

№1 БЕСТСЕЛЛЕР В KINDLE STORE AMAZON!

Бессердечный
принц.
Отчаянный
хулиган.
Идеальный
любовник.

18+

Жестокий БОГ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Жестокий бог

Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»

Серия «Школа Всех Святых», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67087016

Жестокий бог: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-164330-0

Аннотация

Вон Спенсер.

Они называют его жестоким богом.

Для меня он – бессердечный принц.

Вон встречается с разными девушками и разбивает их сердца.

Он нарушает правила и влезает в драки. А еще Вон любит издеваться надо мной.

Я давала ему отпор, не зная, что он погонится за мной через весь океан.

Но вот он здесь. Живет рядом, в темном, мрачном замке на окраине Лондона.

Коллега-стажер. Талантливый скульптор. Чертов гений.

Замок Карлайл скрывает два наших самых ужасных секрета.

Говорят, здесь водятся привидения. Это правда.

Вон считает, что способен уничтожить призраков прошлого.
Так же, как уничтожает мое сердце.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	56
Глава 4	91
Глава 5	113
Глава 6	130
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Л. Дж. Шэн

Жестокий бог

Посвящается Ратуле Рой, Марте Бор и тому лучику надежды, который выглядывает из каждого темного момента нашей жизни.

Мы никогда не слышали версию дьявола. Бог написал всю книгу.
Анатолий Франс

L. J. Shen
ANGRY GOD

Copyright © 2020. ANGRY GOD by L.J. Shen
The moral rights of the author have been asserted

© Купфер Л.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Основная песня:

«Saints» – Echos

Плейлист:

- «Give You Hell» – The All-American Rejects
- «Dirty Little Secret» – The All-American Rejects
- «Handsome Devil» – The Smiths
- «Bad Guy» – Billie Eilish
- «My Own Worst Enemy» – Lit
- «Help I'm Alive» – Metric
- «Bandages» – Hot Hot Heat
- «Peace Sells» – Megadeth
- «Boyfriend» – Ariana Grande ft. Social Club

Глава 1

Ленора

Леноре 12, Вону 13

Ты ничего не видела.

Он не придет за тобой.

Он даже не видел твоего лица.

Каждая косточка в моем теле дрожала, когда я пыталась

стереть из памяти только что увиденную сцену.

Зажмурив глаза, я начала раскачиваться взад-вперед, свернувшись калачиком на жестком матрасе. Ржавые металлические ножки кровати заныли, царапая пол.

Я всегда с опаской относилась к замку Карлайл, но еще десять минут назад думала, что меня пугают призраки, а не студенты.

Не тринадцатилетний мальчик с лицом Спящего Фавна¹, изумляющим своей красотой и ленивой грацией.

Только не Вон Спенсер.

Я выросла здесь и еще не сталкивалась ни с чем подобным этому дерзкому американскому мальчишке.

Люди говорили, что Карлайл был одним из самых страшных замков с привидениями в Британии. В этой крепости XVII века якобы обитали два призрака. Первого заметил лакей, которого несколько десятилетий назад заперли в подвале. Он божился, что видел, как призрак мадам Тиндалл царапал стены, умоляя о воде и утверждая, будто ее отравил муж. Второго призрака – упомянутого мужа, лорда Тиндалла, – замечали бродящим по ночам в коридорах, иногда он протягивал руку, чтобы поправить неровно висевшую картину, но не мог сдвинуть ее ни на дюйм.

Они рассказывали, что мадам Тиндалл пронзила сердце

¹ «Фавн Барберини», или «Спящий Фавн», – мраморная статуя эллинистической эпохи, созданная неизвестным скульптором пергамской школы около 200 года до н. э. и изображающая фавна в натуральную величину.

лорда ножом для стейка, повернув его для верности, как только поняла, что тот отравил ее. По легенде, он хотел жениться на молодой служанке, которой заделал ребенка после десятилетий бездетного брака с женой. Люди клялись, что нож все еще торчал из груди призрака и позвякивал каждый раз, когда лорд смеялся.

Мы переехали сюда десять лет назад, в то время папа открыл Подготовительную школу Карлайл, престижное художественное учебное заведение. Он пригласил самых талантливых и одаренных студентов со всей Европы.

И они все приехали. В конце концов, отец был *Эдгаром Асталисом*. Человеком, чья скульптура Наполеона «*Император*» в натуральную величину стояла посреди Елисейских Полей.

Но они тоже боялись слухов о привидениях.

Все в этом месте производило жуткое впечатление.

Замок располагался в туманной долине Беркшира, его силуэт изгибался и рассекал воздух своими запутанными черными шпилями. Плющ и кусты диких роз ползли по внешней каменной стене двора, скрывая тайные тропинки, по которым студенты часто пробирались по ночам. Коридоры напоминали лабиринт, который, казалось, огибал студию скульптуры.

Самое сердце замка.

Студенты прогуливались по фойе с прямыми спинами, румяными щеками, поцелованными бесконечной английской

зимой, и с напряженными выражениями на лицах. Подготовительная школа Карлайл, где учились исключительно одаренные дети, не одобряла другие государственные школы, такие как Итон и Крейгклоуэн. Папа говорил, что обычные подготовительные заведения поощряют бесхребетных, родившихся с золотой ложкой во рту, этаких середнячков, а не настоящих лидеров. Мы же гордо носили свою школьную форму как знак отличия – черные накидки с девизом Карлайла, вышитым ярким золотом на левом нагрудном кармане:

Ars Longa, Vita Brevis.

Искусство вечно, жизнь быстротечна. Послание звучало довольно ясно: единственный путь к бессмертию – через искусство. Посредственность считалась богохульством. В этом мире, где каждый намеревался сожрать другого, мы были связаны между собой, жаждущие, безрассудные, слепо верящие в собственные идеалы.

В двенадцать лет я увидела то, что не предназначалось для моих глаз. Я была самой молодой студенткой на летней сессии в Подготовительной школе Карлайл, а сразу за мной следовал Вон Спенсер.

Сначала я завидовала мальчику с пронзительными ледяными прорезями вместо глаз. В тринадцать он уже работал с мрамором. Вон не надевал свой черный плащ, вел себя так, словно на него не распространялись школьные правила, и проносился мимо преподавателей, не поклонившись – про-

сто неслыханно для этой школы.

Мой отец был директором школы, и даже я кланялась.

Вообще-то я наклонялась ниже всех.

Нам внушали, что мы на голову выше остальных, что мы – будущее искусства во всем мире. Мы обладали талантом, статусом, деньгами и возможностями. Но если мы напоминали серебро, то Вон Спенсер будто весь состоял из золота. Если у нас что-то получалось, то он справлялся великолепно. Если нам удавалось блеснуть, то он блистал с силой тысячи солнц, обжигая все вокруг себя.

Как будто Бог вылепил его по-другому, уделяя особое внимание деталям, когда создавал его. Скулы были острее лезвий скальпеля, глаза – светлее самого голубого оттенка в природе, а волосы – чернее воронова крыла. Его бледность поражала меня: вены просвечивали под кожей, но рот цвета свежей крови казался теплым, живым и лживым.

Он очаровывал и приводил меня в бешенство. Но, как и все остальные, я держалась от него на расстоянии. Вон приехал сюда не для того, чтобы заводить друзей. Он ясно дал это понять, потому что никогда не посещал столовую или какие-либо общественные мероприятия.

Что еще заполучил Вон, в отличие от меня? Восхищение моего отца. Я не знала, почему великий Эдгар Асталис заискивал перед каким-то мальчишкой из Калифорнии, но тем не менее он это делал.

Папа сказал, что Вон сотворит нечто особенное. Что од-

нажды он станет великим Микеланджело.

Я поверила ему.

И поэтому возненавидела Вона.

На самом деле я ненавидела Вона ровно до того момента, когда пятнадцать минут назад вошла в фотолабораторию, чтобы проявить фотографии, которые сделала вчера. Фотография стала моим хобби, а не искусством. В своем искусстве я использовала технику ассамбляжа², создание скульптур из мусора. Мне нравилось из уродливых вещей делать что-то прекрасное.

Превращать изъяны в совершенство.

Это давало мне надежду. Я желала, чтобы мои творения вселяли надежду всему, что не было идеальным.

В любом случае следовало подождать, пока один из преподавателей сопроводит меня в лабораторию. Таковы были правила. Но у меня возникло предчувствие, что сделанные снимки будут ужасно безвкусными. Не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел фото до того, как у меня появится возможность переснять их.

Стояла середина ночи. Там никого не должно было быть.

И поэтому, поскольку я остро, болезненно завидовала Вону Спенсеру, я наткнулась на что-то, что заставило меня почувствовать замешательство и странную ярость на него.

² Ассамбляж – техника визуального искусства, родственная коллажу, но использующая объемные детали или целые предметы, скомпонованные на плоскости как картина.

Уже лежа в постели, я хлопнула себя по лбу, вспомнив свое глупое поведение в той темной комнате. Пробормотав извинения, я просто захлопнула дверь и побежала обратно к себе в комнату.

Спускаясь по лестнице на второй этаж и перепрыгивая через две ступеньки зараз, я наткнулась на статую воина. Вскрикнув от неожиданности, я обогнула коридор, ведущий в общежитие для девочек. Все двери выглядели одинаково, и мое зрение настолько затуманила паника, что я с трудом нашла свою комнату. Я распахнула двери, заглядывая внутрь в поисках знакомого белого одеяла, которое мама связала для меня крючком, когда я была маленькой.

К тому времени, как я добралась до своей комнаты, почти все девушки в крыле проклинали меня за то, что я прервала их сон.

Я нырнула в свою кровать и осталась там, спрятавшись под одеялом.

Он не может тебя найти.

Он не может войти в общежитие для девочек.

Папа вышвырнул бы его, если бы он это сделал, неважно, гений он или нет.

Затем стук элегантных ботинок, вышагивающих по коридору, заставил мое сердце подскочить к горлу. Охранник навистывал колыбельную в темноте. Я услышала сильный грохот. Гортанный стон раздался с пола возле моей комнаты. Я свернулась в клубок, воздух звенел в моих легких, как мо-

нетка в пустой банке.

Моя дверь со скрипом открылась. Я почувствовала порыв ветра с ее стороны, поднявший волосы на моих руках, где бы он ни коснулся. Мое тело напряглось, как кусок высохшей глины, твердый, но хрупкий.

«Бледное лицо. Черное сердце. Золотое наследие».

Именно это я когда-то услышала от дяди Гарри, также известного как профессор Фэрхерст, внутри этих стен – опишите Вона одному из своих коллег.

Нельзя было ошибиться в энергии, которую Вон Спенсер приносил в комнату, потому что она поглощала все остальное, как пылесос. Воздух в моей комнате внезапно наполнился опасностью. Это было все равно что пытаться дышать под водой.

Я почувствовала, как мои колени стучат друг о друга под одеялом, когда я притворялась спящей. Лето в замке Карлайл было невыносимо жарким, и я надела майку и шорты.

Он двигался в темноте, но я его не слышала, что напугало меня еще больше. Мысль о том, что он может убить меня – на самом деле *буквально* задушить до смерти – пришла мне в голову. Я не сомневалась, что он вырубил охранника, который ходил по нашему коридору ночью, чтобы убедиться, что никто не нарушил комендантский час или не сделал каких-нибудь глупостей, чтобы напугать других студентов. Ни один огонь не бывает таким большим и жгучим, как тот, что рождается от унижения, и то, чему я стала свидетелем

сегодня вечером, смутило Вон. Даже когда я спешила уйти, я видела это на его лице.

Вон никогда не чувствовал себя неловко. Он носил свою кожу с высокомерием, как корону.

Я почувствовала, как одеяло одним точным движением соскользнуло вниз по телу, от плеч до лодыжек. Две мои груди, похожие на брюссельскую капусту – как называла их моя старшая сестра Поппи, – торчали сквозь мою майку без спортивного лифчика, и он мог их видеть. Я крепко зажмурила глаза.

Господи. Почему я должна была открыть эту чертову дверь? Почему должна была его увидеть? Почему именно я попала в поле зрения одного из самых одаренных мальчиков в мире?

Он был обречен на величие, а я была обречена на то, что он выберет для меня.

Я почувствовала, как его палец коснулся моей шеи сбоку. Он был холодным и сухим от лепки. Он провел пальцем вдоль моего позвоночника, стоя надо мной и наблюдая за тем, как мы оба жалко притворялись, что я сплю. Но я находилась в полном сознании и ощущала все: угрозу, исходящую от его прикосновений и запах высеченного камня, дождя и сладкого, слабого шлейфа, который, как я выясню позже, напоминал о его мужественности. Сквозь узкую щелочку закрытых глаз я могла различить, как он наклонил голову, наблюдая за мной.

Пожалуйста. Я никогда не скажу ни одной живой душе.

Меня интересовало, если он был таким грозным в тринадцать лет, каким взрослым мужчиной он станет? Я надеялась никогда этого не узнать, хотя, скорее всего, это была не последняя наша встреча. В этом мире существовало не так много детей миллиардеров, которые стали знаменитыми художниками, и наши родители вращались в одинаковых социальных кругах.

Я однажды встречалась с Воном еще до его поступления в школу, когда он отдыхал на юге Франции со своей семьей одним летом. Мои родители устроили благотворительное мероприятие по дегустации вин, на котором присутствовали Барон и Эмилия Спенсер. Мне было девять, Вону – десять. Мама намазала мою кожу солнцезащитным кремом, надела на меня уродливую шляпу и заставила поклясться, что я не поеду в море, потому что не умею плавать.

Поэтому вышло, что я наблюдала за ним на пляже под навесом весь отпуск, в перерывах между листанием фэнтезийной книги, которую читала. Вон разбивал волны своим тощим телом – бросаясь прямо в них со свирепостью голодного воина – и вытаскивал медуз из Средиземного моря обратно на берег, держа их за верхушки, чтобы они не могли его ужалить. Однажды он совал в них палочки для леденцов, пока не убедился, что они мертвы, а затем разрезал их, бормоча себе под нос, что медузы всегда разрезаются на идеальные половинки, независимо от того, как вы их режете.

Он был странным. Жестоким и совершенно не похожим на других. У меня не было никакого желания разговаривать с ним.

Затем, во время одного из многих грандиозных мероприятий на той неделе, он прокрался за фонтан, где я сидела, читая книгу, и разделил шоколадное пирожное, которое, наверное, украл перед ужином. Он без улыбки протянул мне половину.

Я застонала, принимая это, потому что у меня возникла глупая идея, что теперь я ему что-то должна.

– У мамы будет сердечный приступ, если она узнает, – сказала я ему. – Она никогда не разрешает мне есть сахар.

Затем я запихнула все пирожное в рот, борясь с липкой жижей на языке, густая нуга покрывала мои зубы.

Его рот, искривленный неодобрительной гримасой, искажил мужественные черты его лица.

– Твоя мама – отстой.

– Моя мама самая лучшая! – горячо воскликнула я. – Кроме того, я видела, как ты тыкал палками в медуз. Ты ничего не знаешь. Ты всего лишь вредный мальчишка.

– У медуз нет сердец, – протянул он, как будто это все объясняло.

– Так же, как у тебя. – Я не смогла удержаться, чтобы не облизать пальцы, глядя на нетронутую половину брауни в его руке.

Он нахмурился, но по какой-то причине не показался рас-

строенным моим оскорблением.

– У них еще нет мозгов. Так же, как у *тебя*.

Я смотрела вперед, игнорируя его. Не хотелось спорить и устраивать сцену. Папа разозлится, если я повышу голос. Мама будет разочарована, и это почему-то казалось намного хуже.

– Такая хорошая девочка, – насмехался Вон, его глаза озорно блестели. Вместо того чтобы откусить кусочек своего пирожного, он передал мне второй кусочек.

Я взяла его, ненавидя себя за то, что сдалась.

– Такая хорошая, правильная, скучная девочка.

– Ты отвратителен. – Я пожала плечами. На самом деле нет. Но мне хотелось, чтобы он был таким.

– Отвратителен или нет, я все равно мог бы поцеловать тебя, если бы захотел, и ты бы мне позволила.

Я подавилась густым какао во рту, моя книга упала на землю и закрылась без закладки. *Пристрелите меня*.

– Почему ты вообще так думаешь? – Я повернулась к нему, шокированная его словами.

Он прислонился вплотную, одна плоская грудь к другой. От него пахло чем-то незнакомым, опасным и диким. Может, золотыми пляжами Калифорнии.

– Потому что мой папа говорил мне, что хорошие девочки любят плохих мальчиков, а я плохой. Действительно *плохой*.

И вот мы здесь. Снова столкнулись лицом к лицу. К сожалению, он был совсем не отвратителен и, казалось, размыш-

лял, что делать с нашим новым общим секретом.

– Убить тебя? Ранить? Напугать? – Он задумался, источая безжалостную силу.

В моем горле застрял комок, который я никак не могла сглотнуть.

– Что мне с тобой делать, *Хорошая Девочка*?

Он запомнил мое прозвище с того дня на пляже. Это каким-то образом все ухудшило. До сих пор мы вели себя так, словно совсем не знали друг друга.

Вон наклонился так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим. Я чувствовала его горячее дыхание – единственное, что в нем было теплого, – скользящее по моей шее. У меня пересохло в горле, каждый вдох проходил через него, как лезвие. И все же я продолжала делать вид, что сплю. Может быть, если бы он подумал, что я хожу во сне, то избавил бы меня от своего гнева.

– Насколько хорошо ты умеешь хранить секреты, Ленора Асталис? – Его голос обвился вокруг моей шеи, как петля.

Мне захотелось кашлять. Мне нужно было откашляться. Он приводил меня в ужас. Я ненавидела его с жаром и страстью тысячи пылающих солнц. Он заставлял меня чувствовать себя пугливой кошкой и доносчицей.

– О да. Если ты достаточно труслива, чтобы притвориться спящей, то достаточно хороша, чтобы хранить тайну. Вот в чем твоя особенность, Асталис. Я могу превратить тебя в пыль и смотреть, как твои частички танцуют у моих ног. Моя

маленькая цирковая обезьянка.

Возможно, я и ненавидела Вона, но еще больше я ненавидела себя за то, что не противостояла ему. За то, что не открыла глаза и не плюнула ему в лицо. Выцарапывая его неестественно голубые глаза. Дразня его в ответ за все те разы, когда он дразнил всех нас в Подготовительной школе Карлайл.

– Кстати, твои веки двигаются, – сухо сказал он, посмеиваясь.

Он выпрямился, его палец на мгновение остановился у основания моего позвоночника. Он щелкнул пальцами, издав ломающийся звук, и я чуть не выпрыгнула из своей кожи, испустив вздох. Я крепче зажмурилась, все еще притворяясь спящей.

Он рассмеялся.

Ублюдок рассмеялся.

Пощадил ли он меня на какое-то время? Собирался ли он с этого момента навещать меня? Отомстить, если я открою рот? Он был таким непредсказуемым. Я не была уверена, как будет выглядеть моя жизнь утром.

Именно тогда я поняла, что, возможно, я хорошая девочка, но Вон недооценил себя три года назад.

Он вовсе не был мальчиком. Он был божеством.

Вскоре после того, что случилось во время летней сессии в замке Карлайл, я потеряла маму. Женщина, которая так боялась, что я когда-нибудь получу солнечный ожог или поцарапаю колено, заснула, но так и не проснулась. Остановка сердца. Мы нашли ее лежащей в постели, как проклятую диснеевскую принцессу, с закрытыми глазами, с небольшой улыбкой на лице, все еще розовыми губами и полной планов на утро.

В тот день мы должны были сесть на яхту в Салоники, отправиться в погоню за историческими сокровищами, которые так и не нашли.

Это был второй раз, когда я хотела притвориться, что сплю, в то время как моя жизнь приняла ужасный оборот к худшему – без всякой другой причины, просто потому, что это возможно. Погрузиться с головой в жалость к себе было чертовски заманчиво, но я сдержалась.

У меня было два варианта: сломаться или создать более сильную версию себя.

Я выбрала последний.

К тому времени, как пару лет спустя папа устроился на работу в Тодос-Сантосе, я уже не напоминала ту девушку, что притворялась спящей, когда сталкивалась с кем-то лицом к лицу.

Поппи, моя старшая сестра, присоединилась к отцу в Калифорнии, но я попросила его позволить мне остаться в Карлайле.

Я осталась там, где было мое искусство, и избегала Вона Спенсера, который находился в Школе Всех Святых далеко за океаном. Беспроигрышный вариант, верно?

Но теперь папа настаивал, чтобы я провела свой выпускной год с ним и Поппи в Южной Калифорнии.

Дело в том, что новая Ленни не закрывала глаза на Вона Спенсера.

Я больше не испытывала страха.

Я пережила величайшую потерю и выжила. Меня больше ничто не пугало.

Даже жестокий бог.

Глава 2

Вон

Леноре 17, Вону 18

Я родился с ненасытным аппетитом к разрушению.

Это не имело никакого отношения к тому, что случилось со мной.

С историей моей жизни.

С моими родителями.

С этой сраной вселенной.

Я был связан грязными узлами. Сделан из металлических шнуров вместо вен. Пустая черная коробка вместо сердца. Лазер вместо зрачков, чтобы находить слабые места.

Даже когда я в детстве улыбался, у меня болели щеки и глаза. Это казалось неестественным и пугающим. Я рано перестал улыбаться.

И, судя по тому, как начался мой выпускной год в средней школе, улыбка тоже не входила в мои чертовы планы на будущее.

«Сделай десять глубоких, очищающих вдохов», – я практически слышал, как мама умоляет своим спокойным, сладким голосом у меня в голове.

Впервые за все мое жалкое существование я послушался. Ударить кулаком по каждому шкафчику в коридоре, вероятно, было самым глупым в мире способом вылететь из школы и одновременно сломать все кости в моей левой руке, загубив тем самым мою карьеру.

Не то чтобы я находился здесь из-за острых умов моих преподавателей – или, что еще хуже, из-за дурацкого диплома. Но, в отличие от моего лучшего друга с дерьмом вместо мозгов Найта Коула, у меня не было красной блестящей кнопки самоуничтожения, которую я жаждал нажать.

Раз.

Два.

Три.

К черту эту хрень, нет.

Ленора Асталис стояла здесь во плоти. Жива, здорова и на моей территории. В моем *царстве*. Я засунул ее существование в ящик своего мозга, который обычно приберегал для неудовлетворительного порно и бессмысленных светских бесед с девушками, прежде чем они опускали головы, чтобы отсосать мне.

Но я ее помнил. Могу поспорить на свою жалкую задницу, я ее очень хорошо помнил. Моя маленькая танцующая обезьянка. Такая покладистая, что я мог бы заставить ее заглотить бейсбольную битку, если бы попросил, и даже не очень вежливо. Предположительно, это была благоприятная черта для представительниц слабого пола, но Хорошая Девочка была слишком покорной и чистой даже на мой вкус.

Тогда у нее были желтые волосы, похожие на золотые нити, ботинки лоферы и испуганное «пожалуйста, не делай мне больно» выражение лица. Накидка Карлайла делала ее похожей на более чудаковатую подругу Гермiony Грейнджер. Вечно зажатая, Ленора Асталис обладала раздражающим качеством всегда выглядеть чопорной, правильной и добродетельной.

Сейчас? Сейчас она выглядела... *по-другому*.

Меня не впечатлила черная дрянь, которой она намазала глаза, и готическая одежда. Это было просто маскировкой для ее бесхребетности и того факта, что она наложит в штаны, если рядом с ней кто-то грязно выругается.

Хорошая Девочка стояла у своего нового шкафчика, ее волосы теперь стали черными как смоль. Она наносила дополнительный слой подводки для глаз (ей это было нужно, как мне нужно больше причин ненавидеть мир), уставившись в карманное зеркальце, приклеенное к внутренней стороне двери ее шкафчика. На ней была шапочка с надписью «Повинуйся», но она поправила ее с помощью маркера, так что теперь там было написано «Ослушайся».

Что за фальшивая бунтарка. Кто-то должен уведомить власти, прежде чем она совершит что-то действительно безумное, например, съест неорганическую чернику в кафетерии.

– Эй, кислый парень, что нового? – Найт, мой лучший друг, сосед, двоюродный брат и по совместительству придурак, хлопнул меня сзади по плечу и по-братски обнял. Я устремил взгляд на невидимую точку впереди, игнорируя и его, и Асталис. При всем уважении к Леноре – а у меня его абсолютно не было – она не заслуживала моего внимания. Я сделал мысленную заметку напомнить ей, где она находится.

Или в ее случае – *опуститься на колени*.

Я все еще помнил, как она отреагировала, когда я проскользнул в ее комнату той ночью. То, как она дрожала под моим пальцем, хрупкая, как фарфоровая кукла, практически умоляя, чтобы ее разбили вдребезги. Раздавив ее, я даже не почувствовал бы обычного кайфа. Это было все равно что отнять конфету у ребенка. В моем решении пощадить ее не

было никакой доброты. Я от природы был прагматичен.

У меня имелась конечная цель.

И Ленора не будет стоять на пути к этому.

Риск. Награда. Возвращение.

Причинять ей боль казалось излишним. Асталис все эти годы держала свой маленький розовый ротик на замке – явно напуганная. Я знал, что она не проболталась, потому что проверил. У меня повсюду имелись глаза и уши. Она сохранила наш секрет, и когда ее сестра переехала жить сюда на втором курсе, Ленор осталась в Англии, вероятно, до смерти испугавшись меня и того, что я собирался с ней сделать. Хорошо. Для меня это сработало отлично.

Но это хрупкое доверие было разрушено в ту минуту, когда я увидел ее здесь.

В моем королевстве.

Троянский конь с брюхом, полным плохих воспоминаний и дерьма.

– Сегодня у тебя какой-то странный вид, – разглядывая меня, заметил Найт, проводя пальцами по своим блестящим волосам, цвета намазанного маслом тоста. Он был звездным квотербеком, королем выпускного бала и самым популярным парнем в школе.

Все это помогало ему лучше спать по ночам и успокаивало его комплекс усыновленного ребенка.

– Я удивлен, что ты можешь что-то видеть сквозь туман собственного самомнения, – усмехнулся я, останавливаясь у

своего шкафчика и распахивая его.

Всего в шести шкафчиках от Асталис. Карма действительно паршиво занималась своей работой.

Найт оперся локтем на ближайший шкафчик, пристально изучая меня. Он непроизвольно загоразивал мне вид на Ленору. И хорошо. Ее образ в стиле Роберта Смита³ совсем не добавлял сексуальной привлекательности ее и без того безвкусной внешности.

– Ты придешь сегодня вечером на вечеринку Арабеллы по поводу возвращения в школу?

– Я бы предпочел, чтобы мой член сосала голодная акула.

Арабелла Гарофало напоминала мне крошечных породистых собак с розовыми ошейниками с бриллиантами и писклявым лаем, которые иногда кусали тебя за задницу и мочились, когда возбуждались. Она была злой, отчаянной, болтливой и, возможно, хуже всего – слишком нетерпеливой, чтобы предлагать мне минет.

– Тогда почему бы тебе не засунуть свой член в ротик Хейзел? У нее только что появились брекететы, так что это практически одно и то же, – от всего сердца предложил Найт, доставая свою бутылку щелочной воды из дизайнерского кожаного рюкзака и делая глоток.

Я знал, что там была водка. Он, вероятно, уже принял несколько волшебных таблеток, прежде чем прийти сюда. По

³ Британский гитарист, вокалист и автор песен, лидер рок-группы The Cure. Считается одним из отцов-основателей субкультуры готтов.

сравнению с этим засранцем, Хантер С. Томпсон⁴ выглядел обычным бойскаутом.

– Выпивка до десяти утра? – Я скривил губы в ленивой улыбке. Любовные письма и обнаженные полароидные снимки вывалились из моего шкафчика рекой подросткового отчаяния. Ни у одной девушки не хватило смелости на самом деле подойти и поговорить со мной. Я собрал и выбросил их в мусорное ведро неподалеку, не отрывая взгляда от Найта. – Думаю, из твоего рта льется всякая дрянь, но твоя девственность оправдывает тебя.

– Ешь дерьмо, Спенсер. – Он сделал еще один глоток.

– Если бы я это сделал, ты бы пошел на хрен отсюда? Потому что в ином случае уйду я.

Я захлопнул свой шкафчик. Найт не знал о Леноре Асталис. Привлекать к ней внимание не входило в мои планы. Прямо сейчас она была готом и фриком с нулевой репутацией и общественным статусом, именно такой она и останется в этих коридорах, если только я не проявлю хоть немного эмоций по отношению к ней.

Которых – спойлер – у меня не было.

– Не будь таким мягким, Спенс.

– Я черствый, как хлеб пятидневной давности. – Я перекинул рюкзак через плечо. *Разве это не правда?*

– Мерзко, чувак. То, что Луна, Дарья и я были твоими друзьями, не очеловечило тебя настолько, как надеялись твои

⁴ Американский писатель и журналист, основатель гонзо-журналистики.

родители. Это все равно что надеть маленькую шляпу на хомяка. Мило, но бесполезно.

Я тупо уставился на него.

– Ты вообще сейчас говоришь по-английски? Принеси себе что-нибудь поесть и бутылку воды, пока все вокруг не отравились алкоголем из-за твоего дыхания.

– Как хочешь. Мне больше достанется первоклассного английского мяса. – Найт отмахнулся от меня и двинулся пружинистым шагом.

Я покачал головой и последовал за ним. Как будто он когда-нибудь сделает что-то с этим мясом. Во всех смыслах парень был долбаной киской-веганом, более девственным, чем масло Extra Virgin. Он хотел засунуть свой член только в одну дырочку. Он был привязан к Луне Рексрот, своей детской влюбленности, которая училась в колледже, за много миль отсюда, – надеюсь, она была менее жалкой, чем он, и занималась сексом.

Однако не осталось никаких сомнений в том, что *английское мясо*, как Найт поэтически назвал Ленору, уже привлекло внимание в Школе Всех Святых.

Я мог понять, почему ее старшая сестра, как-ее-там, Асталис, пользовалась успехом у парней. Я видел ее где-то поблизости. Она привлекала внимание, выглядела как энергичная, клонированная блондиночка, которая променяла собственную душу на пару каблуков с красной подошвой.

– Единственная английская цыпочка, с которой мне инте-

ресно познакомиться, – это Маргарет Тэтчер. – Я сунул мятную жвачку в рот, запихивая другую в Найта без его согласия. Его дыхание Мела Гибсона было таким огнеопасным, что он мог бы поджечь гребаную школу, если бы закурил сигарету.

– Она мертва, брат, – он послушно прожевал, нахмурившись.

– Точно, – язвительно заметил я, перекидывая лямку рюкзака на другое плечо просто для того, чтобы что-то сделать руками. Было только девять тридцать, а сегодня он уже преуспел в том, чтобы отсосать все яйца во вселенной.

Когда Найт так и остался приклеенным ко мне, несмотря на то, что у него не было первого урока, как и у меня, я остановился.

– Ты все еще здесь. Почему?

– Ленора. – Он снова открутил крышку своей бутылки с «водой» и сделал еще один щедрый глоток.

– Бросание случайных имен в воздух – это не разговор, Найти-бой. Давай начнем с целого предложения. Повторяй за мной: *Мне. Нужна. Реабилитация. И. Хороший. Трах.*

– Сестра Поппи Асталис горячая, как васаби. – Найт проигнорировал мою колкость. – Она выпускница, как и мы. От нее исходят флюиды хорошей девочки. – Он расплылся в дьявольской ухмылке, обернулся и пробежал глазами по ее фигуре, одетой в черное. Она стояла всего в нескольких футах от нас, но, казалось, не слышала ни слова из-за шума

и суеты. – Но я вижу ее острые клыки. Она прирожденная убийца.

Поппи. Вот-как-ее-там-зовут. Эх, я был близок к этому.

Ленора была на год младше меня, старшеклассница, и это означало, что она пропустила класс. Чертова ботаничка. Здесь нет никаких сюрпризов.

Найт продолжил свой репортаж для TMZ⁵.

– Их отец – крутой художник – управляет этим художественным институтом для снобов в центре города. Честно? Я довожу себя до комы, повторяя тебе эту информацию, так что давай просто перейдем к сладкому: паршивая овца семьи приехала сюда на год, и каждый хочет откусить кусочек от этого милого ягненка.

С каждой секундой мясные метафоры становились все более жуткими. Кроме того, я очень хорошо знал, кто такой Эдгар Асталис.

– Предполагаю, что это та часть, где я должен изобразить какой-то интерес. – Моя челюсть дернулась, зубы застучали друг о друга. Он лгал. Никто здесь не хотел прикасаться к Леноре. Она слишком далеко отошла от образа обычной горячей девушки. Черные лохмотья. Подводка для глаз. Пирсинг на губе. Почему бы не подрочить на плакат Мэрилина Мэнсона и не сохранить презерватив?

Найт театрально закатил глаза.

– Чувак, ты действительно заставляешь меня произносить

⁵ Онлайн-таблоид, принадлежащий компании WarnerMedia.

это по буквам. Я *видел*, как ты пожирал ее глазами, словно сошел с ума. – Он хлопнул меня по плечу, как какой-то старый, мудрый наставник. – Тебе повезет, если она не забеременеет после этого взгляда.

– Она выглядела знакомой, вот и все.

Так и есть, потому что я ждал, что она объявится, с той самой минуты, как ее сестра и отец приехали в этот город.

В школе.

В спортзале.

На вечеринках.

Это даже не имело смысла, но я все равно смотрел – даже на своих собственных вечеринках, где незванным гостям были не рады. Она напоминала темную тень, следовавшую за мной повсюду, и я всегда старался одержать верх в наших воображаемых отношениях. Черт, я даже порылся в ее дурацком профиле в Инстаграм и узнал, что она смотрела и слушала, просто чтобы лучше понять интересы Леноры и расколоть ее, если представится случай.

И, черт возьми, так и случилось.

Я тут же решил, что, несмотря на статус Найта как моего самого близкого друга, я не собираюсь говорить ему, что знал ее. Это только усложнило бы ситуацию, выдвинув мою тайну еще на один дюйм к свету.

Правда, как и прежде, впивалась в меня когтями, оставляя рубцы неприятной реальности. Иногда, в плохие ночи, у меня возникало искушение рассказать родителям, что со

мной произошло. Они были достойными родителями, даже мне, придурку, пришлось это признать. Но в конечном счете все сводилось к следующему: никто не мог избавить меня от боли. Никто.

Даже мои чертовски близкие к совершенству, любящие, заботливые, могущественные родители-миллиардеры.

Мы приходим в этот мир одни и умираем в одиночестве. Если мы заболеем, то будем бороться с этим в одиночку. наших родителей нет рядом, чтобы пройти курс химиотерапии вместо нас. Это не они теряют волосы, блюют ведрами или получают пинки под зад в школе. Если мы попадаем в аварию, это не они теряют кровь, борются за свою жизнь на операционном столе, теряют конечность. «Я здесь ради тебя» – это самая глупая фраза, которую я когда-либо слышал.

Их не было рядом со мной.

Они пытались. И они потерпели неудачу. Если вы хотите посмотреть на своего самого яростного защитника, на единственного человека, на которого вы всегда можете положиться, хорошенько посмотрите в зеркало.

Я занимался тем, что мстил за свою собственную боль, и мне нужно было взыскать долг.

Я это сделаю. Скоро.

Что касается моих родителей, они любили меня, беспокоились обо мне, готовы были умереть за меня, бла-бла-бла. Если бы моя мать узнала, что творилось у меня в голове, что *на самом деле* произошло в тот день на аукционе в париж-

ской галерее, она совершила бы хладнокровное убийство.

Но это была моя работа.

И я собирался насладиться этим.

– Так ты говоришь мне, что не считаешь Ленору Асталис горячей? – Найт пошевелил бровями, отталкиваясь от шкафчиков и подстраиваясь под мой шаг.

Я снова пристально посмотрел на нее. Она держала учебники на бедре, направляясь в лабораторию, а не прижимала их к груди, как остальные красавицы из Школы Всех Святых. На ней была черная джинсовая мини-юбка, испытывавшая мое терпение, чулки в сеточку, разорванные на коленях и попке, и армейские ботинки, которые выглядели еще более убого, чем мои. Даже кольца на носовой перегородке и губах не портили ее застенчивый вид. Она жевала свою розовую жвачку, уставившись вперед, то ли игнорируя мое существование, то ли не замечая меня, когда проходила мимо.

Ее красота – если это можно так назвать – напоминала мне детскую. Маленький, похожий на пуговку носик, большие голубые глаза в зеленых и золотых крапинках и узкие розовые губы. В ее лице не было ничего плохого, но и ничего откровенно привлекательного в ней тоже не было. В море калифорнийских девушек с блестящими волосами и загорелой кожей, с телами из блеска, натренированных мышц и изгибов, я знал, что она не будет выделяться – во всяком случае, с хорошей стороны.

Я выгнул бровь, протискиваясь мимо него в класс. Найт

последовал за мной.

– Ты спрашиваешь, позволил бы я ей отсосать мне? Возможно, в зависимости от моего настроения и уровня опьянения.

– Как чертовски милосердно с твоей стороны. На самом деле я вообще об этом не спрашивал. Я хотел сказать тебе, что Ленора, как и ее сестра, для тебя под запретом.

– О да? – поддразнил я его, чтобы он не скучал. Ад замерзнет раньше, чем я получу приказ от Найта Коула. Или кого-нибудь еще, если уж на то пошло.

– Ты не можешь разбить сердце ни одной из сестер Асталис. Их мама умерла несколько лет назад. Им пришлось нелегко, и им не нужно, чтобы твоя мерзкая задница нагадила рядом с ними. Что, кстати, является твоим любимым занятием. Так что это я говорю тебе, что поимею тебя, если ты прикоснешься к ним. Понял меня?

Мать Леноры умерла?

Как я не слышал об этом, когда Поппи переехала сюда?

О, совершенно верно. Я заботился о ее существовании немного меньше, чем о дурацких вечеринках Арабеллы.

Я знал, что их мать не переезжала с Эдгаром и Поппи, но я предполагал, что они либо развелись, либо она осталась с талантливым ребенком в Англии.

Матери были щекотливой темой для Найта по многим причинам, которых я не мог сосчитать. Он воспримет это как личное оскорбление, если я намеренно разобью сердечко

Хорошей Девочки. К счастью для него, я очень мало интересовался этим органом или девушкой, которая носила его в своей груди.

– Не волнуйся, Капитан Спаси-Хо⁶. Я не буду их трахать. – Я распахнул дверь в свой класс и ворвался внутрь, не удостоив Найта еще одним взглядом. Самое простое обещание, которое мне когда-либо приходилось давать.

Когда я плюхнулся и посмотрел в сторону двери, то увидел сквозь окно, как он проводит большим пальцем по горлу, угрожая убить меня, если я нарушу свое слово.

Мой отец работал юристом, и семантика была его родной стихией.

Я сказал, что не буду ее трахать.

Я никогда не говорил, что не буду *с ней* трахаться.

Чтобы убедиться, что Ленора не перейдет границы, следовало устроить ей публичную порку. Ее попка станет красной.

И определенно только *моей*.

* * *

Возможность загнать Ленору Асталис в угол представилась три дня спустя. Я пропустил вечеринку Арабеллы и не удивился, услышав, что Ленора тоже не появилась. Но ее сестра, Поппи, была там – танцевала, пила, общалась, даже

⁶ Мужчина, который хорошо относится к женщине и пытается быть ее Прекрасным Принцем в надежде, что она влюбится в него.

помогала Арабелле и Элис потом убирать пятна от рвоты и спермы.

Ленора не произвела на меня впечатления тусовщицы. У нее был странный ген: она бросалась в глаза, куда бы она ни пошла, даже без гардероба Малефисенты. Я знал об этом, потому что тоже его имел. Мы были сорняками, растущими из бетона, разрушающими общий пейзаж этого калифорнийского городка.

В первый день я прогулял последний урок и проследил за ее машиной после школы, чтобы узнать, где она живет. Она водила черный «Листер Сторм» – далеко не такой, как «Мини Купер» ее сестры – и ей пять раз сигналили за то, что она не повернула направо на красный свет. Дважды она сигналила другому водителю. Однажды она припарковалась, чтобы порыться в сумке и дать бездомному мелочь.

К концу путешествия я не мог не ухмыльнуться про себя. Эдгар Асталис поселил своих девочек в замке на берегу океана, с высокими заборами из белого штакетника и плотно закрытыми шторами.

Мило. Предсказуемо. Безопасно.

Совсем как его бесполезные дочурки.

Я развернулся и поехал обратно в школу, где нашел Поппи с дурацким аккордеоном за репетицией марширующего оркестра, ее сумка от Прада лениво висела на спинке стула, в то время как она стояла ко мне спиной. Я выудил ключ от ее дома, отправился в центр, сделал копию и вернулся как раз

вовремя, чтобы сунуть его обратно, прежде чем она схватила свою сумку и пошла за молочными коктейлями с группой.

На следующий день я следил за Ленорой, делая пометку, чтобы посмотреть, был ли там кто-нибудь еще. Поппи посещала все доступные внеклассные занятия, включая оркестр, репетиторство, английский клуб и походы. (Она принадлежала к тем подросткам, которые придают большое значение всему, что делают, включая прогулки.) Эдгар Асталис с утра до ночи надрывал задницу в том художественном заведении, где он был соучредителем, и нигде не появлялся.

Паршивая овца, милый ягненок, днем был совсем один, ожидая, когда его съест волк.

На третий день – сегодня – я пошел на убийство. К этому времени я уже знал распорядок дня Леноры и позволил ей сорок минут нежиться в собственном неведении, пока сидел в своем раздолбанном грузовике, скрестив ноги на приборной панели, пока она занималась своими делами. Длинными округлыми штрихами я набросал скульптуру у себя в блокноте, иногда отвлекаясь на сигарету, свисавшую с уголка моего рта.

Когда часы пробили четыре и мой будильник зазвонил, я вылез из грузовика и направился в собственность Асталиса, отперев дверь и ворвавшись, как будто я был хозяином этого места. Я прошел через вход, мимо гостиной с мраморными акцентами и антикварной мебелью и направился к двойным стеклянным дверям. Раздвинув их, я посмотрел вниз на бас-

сейн фигурной формы, заметив Хорошую Девочку.

Она делала круги под водой, двигаясь маленькими, изящными движениями. Я подошел к краю бассейна, прикурил оставшуюся часть сигареты и присел на корточки в своих рваных черных узких джинсах и потертой серой рубашке, которую так ненавидела моя мать. А я ненавидел богатство, к которому не имел никакого отношения, но это была совсем другая история, и Ленора никогда ее не услышит, потому что сегодня наше общение закончится.

В следующий раз, когда мне придется что-то доказывать, это будет с помощью действий, а не слов.

Выпустив облако дыма вверх, я наблюдал, как голова Леноры высунулась из воды, появившись передо мной впервые с тех пор, как я вошел.

Я понял, что за все это время она ни разу не вздохнула.

Она больше не была тем ребенком с юга Франции, который не умел плавать. Она научилась.

И она была совершенно голой.

Ее ресницы были занавешены жирными каплями воды, которые каскадом стекали по щекам. Она поставила локти на край бассейна, проверяя время на своих полярных часах. Именно тогда она краем глаза заметила, что что-то – *кто-то* – загораживает солнце. Она прищурилась, используя одну руку как козырек.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь, Спенсер? – Она отпрянула назад как от удара, будто мое существование взо-

рвалось у нее перед носом.

– Я задавал себе тот же самый вопрос, Асталис, с тех пор, как увидел твою *добрую, мягкую попку* в своих владениях и понял, что ты заблудилась в ближайшем мире фей, которым ты поглощена.

Было странно, что, хотя нас официально не представляли друг другу с тех пор, как она приехала сюда, мы все еще помнили друг друга во всех смыслах, которые имели значение. Я знал, что она читает фэнтези, слушает The Smiths и The Cure и считает Саймона Пегга⁷ гениальным комиком. Она понимала, что я из тех придурков, кто врывается в ее дом и наблюдает за ней.

Это подтвердило мои первоначальные подозрения. Она заметила меня в школе, так же как я заметил ее. Ни один из нас не счел разумным признавать другого. Не на публике.

Я затаился сигаретой, усаживаясь на трамплин для прыжков в воду и медленно приподнимая ее халат из полотна кончиком пальца, как будто это вызывало у меня отвращение.

– *Так-так.* – Я покачал головой, наблюдая за отражением своей злой ухмылки в ее блестящих, сине-зелено-золотых, какими-бы-они-черт-ни-были, гипнотизирующих гла-

⁷ Британский актер, комик, сценарист, писатель, продюсер и режиссер. Наиболее известен по работам в фильмах «Зомби по имени Шон», «Типа крутые легавые», «Армагеддец», «Звездный путь», а также в серии фильмов «Миссия невыполнима».

зах Друзиллы⁸. – Купаться голышом? *Хорошим девочкам* плевать на линии загара. У нас в школе тебя не станут трахать. Боюсь, я этого не допущу.

– На это я не буду спрашивать твоего разрешения, – невозмутимо произнесла она, притворно зевая.

– Так не бывает, Хорошая Девочка. Когда я говорю «прыгай», они спрашивают, как высоко. А завтра все узнают, что ты испорченный товар, так что запасайся батарейками, потому что настоящий член тебе не светит.

– Шикарно. – Она медленно хлопнула в ладоши, саркастически присвистнув. – Вершина пищевой цепочки, верно, *Спенс*?

Она использовала прозвище, которое я так ненавидел. Она слышала обо мне в школе, знала о моем легионе последователей. *Хорошо*.

Я склонил голову набок. Ну и что с того, что она притворилась, будто ей насрать на мою популярность?

– Осторожно. Тебя даже нет в веганском меню, Ленора.

– Все равно укуси меня.

– Только для того, чтобы пустить кровь, детка.

– Умереть у тебя на руках все равно было бы лучше, чем разговаривать с тобой, Спенсер.

Ленора наклонилась вперед, пытаясь выхватить халат из моих пальцев, но я был слишком быстр. Я закинул его за спи-

⁸ Вымышленный персонаж в американском телесериале «Баффи – истребительница вампиров», вампир.

ну и встал, прикончив свою сигарету и бросив его в бассейн. От халата пахло хлоркой и хлопком. Девственный, чистый, без подростковых гормонов и дорогих духов. Я был уверен, к Эдгару Асталису, которому принадлежала половина галерей в Лондоне, Милане и Париже, по крайней мере два раза в неделю приходил чистильщик бассейна. Может, он мог бы дать Хорошей Девочке витамин D⁹, который она не получала в школе.

– Чего ты хочешь? – прорычала она, ее губы сжались еще больше, чем обычно.

На самом деле Ленору и близко нельзя было назвать великолепной. Возьмем Дарью, мою соседку, например. Классическая красотка с конкурса красоты. Или Луну, мою подругу детства, которая была просто сногшибательна. Ленора была просто приятна глазу – причем только с определенных ракурсов. Прямо сейчас ее подводка для глаз стекала по щекам, делая ее похожей на клоуна.

Я улыбнулся.

– Наверстать упущенное, глупышка. Как ты? Все еще собираешь мусор?

– Собираю. – Она оперлась о край бассейна, ее кожа стала белее по краям. Порыв ветра пронесся по заднему двору, и светлые волосы на ее руках встали дыбом. Она чувствовала себя неловко.

Как и я, черт возьми.

⁹ Имеется в виду любая сексуальная активность.

– Я делаю искусство из старых, ненужных вещей. Единственная разница между нами, что ты используешь исключительно камень и мрамор, то, из чего сделано твое сердце.

– И что я хорош. – Я провел языком по зубам, причмокивая губами.

– Прошу прощения? – Ее щеки порозовели, соответствуя ей и без того красным ушам.

Это был первый раз, когда я увидел, как Ленора Асталис покраснела с тех пор, как приехала в Тодос-Сантос, и даже это было не от смущения, а от гнева. Может, она и изменилась, но не настолько, чтобы дать мне достойный отпор.

– То, что ты используешь мусор, – это не единственное, что отличает нас от других. Я тоже талантливый, а ты... – Я собрал пепел со своей сигареты и высыпал его на ее полотенце. – Пай-девочка, пользующаяся семейными связями, которая выглядит, как Беллатриса Лестрейндж.

– Пошел ты, – прошипела она.

– Вообще-то, откажусь. Мне нравятся красивые девушки.

– И пустоголовые, – огрызнулась она.

– Да, это так, – я покачал головой. – Но у тебя все равно нет ни единого долбаного шанса со мной.

Это был удар ниже пояса, и я пообещал Найту, что буду держать себя в руках, но что-то в этой ситуации заставило меня пойти на большее. Ее неповиновение, естественно.

Я подошел к одному из их многочисленных плетеных бирюзовых шезлонгов и прилег, подложив руки под голову и

глядя на солнце.

– Черт. Здесь становится ветрено, да?

Она застряла в этом бассейне до тех пор, пока я не решу уйти, иначе я бы увидел ее голой, поэтому я планировал подождать. Мне показалось, что я услышал, как у нее стучат зубы, но она не съежилась и не пожаловалась.

– Ближе к делу, Спенсер, прежде чем я позвоню в полицию. – Она переплыла на другую сторону бассейна, чтобы получше рассмотреть меня. Брызги воды омывали серые каменные края бассейна.

– Пожалуйста. Моя семья владеет всем городом, включая парней в форме. На самом деле я почти уверен, что у твоего отца случится сердечный приступ, если ты втянешь его в дела моего отца. И у твоего дяди тоже. Кстати, как поживает Гарри Фэрхерст? Все еще подлизывается к моим родителям, чтобы они купили его поганые картины?

Я не преувеличивал. Мой отец, Барон «Вишес» Спенсер, был самым большим засранцем на свете для кого-либо, кроме моей матери и меня. Он владел торговым центром в этом городе и управлял инвестиционной фирмой, которая каждый квартал приносила прибыль, превышающую бюджет средней европейской страны, так что он был богаче, чем Бог. Он также нанял огромную армию людей из соседних городов, делал пожертвования местным благотворительным организациям и каждое Рождество посылал смехотворно щедрые подарочные карты сотрудникам правоохра-

нительных органов нашего города. Полиция никоим образом не собиралась трогать ни его, ни меня.

Даже отец Леноры, Эдгар, и ее дядя Гарри были под каблуком у моего отца. Но, в отличие от нее, у меня не было планов использовать связи моей семьи, чтобы получить то, что я хотел.

Конечно, она не знала этого обо мне.

Она почти ничего не знала обо мне – кроме одной важной вещи, которую я хотел бы, чтобы мы оба, черт возьми, забыли.

– Извини, что прерываю твою жалкую демонстрацию власти, но не мог бы ты рассказать, почему пришел сюда, и покончить с этим, пока я не подхватила пневмонию? – потребовала она со своим шикарным английским акцентом, хлопнув ладонью по патио.

У меня вырвался мрачный смешок, когда я все еще глядел на солнце, игнорируя ожог. Я хотел бы, чтобы этот гигантский огненный шар так же хорошо сжигал воспоминания, как он сжигает сетчатку.

– Думал, англичане гордятся своими хорошими манерами.

– А я думала, что американцы прямолинейны, – съязвила она.

– Так и есть.

– Если хочешь уйти, вперед. Не разговаривай.

Хорошее, плохое и уродливое. Я обладал всем этим.

Я почти позволил искренней улыбке украсить мои губы. *Почти*. А потом я вспомнил, кто она такая. И что она знала.

– О том инциденте, свидетелем которого ты стала...

– Подтяни свои штанишки, Вон. Они у тебя запутались. – У нее хватило наглости прервать меня на полуслове, ее влажный рот быстро двигался. – Я никогда не делилась твоим секретом и никогда не поделюсь. Это не мой стиль, не мое дело и не моя информация, чтобы рассказывать. Верить или нет, но то, что я не переехала в Калифорнию, когда это сделали мой отец и Поппи, не имело к тебе никакого отношения. Я люблю Карлайл. Это лучшая школа искусств в Европе. Я не боялась тебя. Насколько я понимаю, мы никогда раньше не встречались, и я ничего о тебе не знаю, кроме очевидной информации, которую добровольно предоставили в Школе Всех Святых.

Она ждала вопроса. Обычно я бы не стал допускать такого поведения. Но она меня позабавила. Цирковая обезьянка – как я уже говорил раньше.

– Что именно? – Я наклонился вперед.

– Что ты жалкая, садистская задница, которой нравится использовать девушек и издеваться над людьми.

Если она и ждала реакции на мою репутацию, то была глубоко разочарована. Я наклонился вперед, уперев локти в колени, и, прищурившись, посмотрел ей в лицо.

– Почему я должен тебе верить?

Она прижала ладонь к краю бассейна и одним движением

ем подтянулась, поднимаясь из воды, пока не встала передо мной.

Никакого топа от бикини.

Никаких трусиков.

Ничего.

Хорошая Девочка была совершенно голой, мокрой и смелой, и, возможно, в этот момент она не была такой уж посредственной.

Скажем так, если бы у меня когда-нибудь было настроение, в котором я позволил бы ей сосать мой член и массировать мои яйца, я испытывал бы его сейчас.

Ее груди были маленькими, но круглыми и упругими, соски заостренными, розовыми и умоляющими, чтобы их пососали. У нее было соблазнительное тело, хотя она чертовски хорошо справлялась с тем, чтобы скрыть всю эту шелковистую, гладкую плоть под черными сетками и кожаными брюками, а между ног была копна светлых волос. Немного, но достаточно, чтобы показать себя. Для меня она была настоящей, девственной блондинкой – не натертой воском, обесцвеченной и ухоженной до смерти, ожидающей, чтобы дать какому-нибудь придурку полный опыт Порнхаба с тщательно выбритой киской.

На внутренней стороне ее бедра виднелась татуировка, но я не мог хорошо рассмотреть, что на ней было написано.

Вернув взгляд к ее лицу, я решил, что, может быть, оно все-таки не такое уж и мягкое. Почти все в ней было малень-

ким – нос, губы, веснушки, уши – но глаза были огромными и голубыми. Масса иссиня-черных длинных волос с корнями цвета яичного желтка не скрывала того, кем она была на самом деле.

Чистой, трогательной и отчасти безумной.

Я стоял во весь рост, задрал подбородок, прекрасно зная, что мой член не набухнет в штанах, если я этого не захочу. Это была одна из лучших особенностей в моем испорченном состоянии. Я мог полностью контролировать свое либидо, и он твердел только по требованию – *своему* требованию. Большинство подростковых членов были предателями, и они втягивали моих друзей во всякую хрень. Но только не мой. Мой слушался. И прямо сейчас я не собирался доставлять ей удовольствие, показав, что хочу трахнуть ее умный ротик.

Мы стояли лицом к лицу. Я был на полторы головы выше, но почему-то, с ее вздернутым подбородком, холодным взглядом и упрямой позой, она не чувствовала себя такой маленькой рядом со мной.

Она уже не была той дрожащей девушкой, которая притворялась спящей и всем своим безмолвным телом умоляла меня не перерезать ей горло той ночью.

Похожие, но разные.

Невинная, но больше не покорная.

– Ты должен мне поверить, – объявила она, – потому что для того, чтобы уничтожить тебя, мне нужно сначала при-

знать тебя. Видишь ли, для того, чтобы разрушить жизнь человека, тебе нужно его ненавидеть. Завидовать ему. Почувствовать какой-то страстный отклик по отношению к нему. Ты ничего во мне не возбуждаешь, Вон Спенсер. Даже не отвлечение. Даже не жалко, хотя мне действительно *следовало* бы пожалеть тебя. Ты – жвачка, прилипшая к подошвам моих ботинок. Ты – мимолетный момент, который никто не помнит, – ничем не примечательный, ненужный и совершенно забываемый. Ты тот парень, насчет которого я когда-то верила, что он может убить меня, поэтому из-за тебя – да, из-за *тебя* – я начала свой путь к тому, кто я есть сегодня. Я непобедимая. Ты больше не можешь меня пугать, Спенсер. Я несокрушима. *Испытай меня.*

Я сделал шаг назад, все еще удерживая ее взгляд. Я знал, что задушу ее, если останусь рядом. Не потому, что я не верил, что она не заботится обо мне, а потому, что я *верил*.

Леноре Асталис было глубоко наплевать.

Она знала, что я учусь в ее школе, и даже не взглянула на меня украдкой.

Она не говорила обо мне.

Не думала обо мне.

Не преследовала меня.

И это было... *что-то новенькое.*

Людям было не все равно – хотели ли они мой член, быть моей девушкой, моим другом, моим партнером по лаборатории, коллегой, сверстником или домашним животным. Кем

бы они ни хотели быть для меня, они всегда старались, чтобы это произошло. Они смотрели на меня с непоколебимым очарованием. А я? Я был легендой. Я почти не ел, не спал и не разговаривал публично. Единственное, что я делал по-человечески перед аудиторией, – позволял девушкам сосать мой член на вечеринках. Даже этим я доказывал свою правоту самому себе больше, чем кому-либо другому.

Я ухмыльнулся, схватив ее за челюсть и притянув к своему телу. Она думала, что я отступил, хотя на самом деле я просто хотел еще раз хорошенько взглянуть на эту сладкую попку, прежде чем сделать ее своей.

– Знаешь, Хорошая Девочка, мы будем часто видеться в ближайшие несколько лет.

– *Несколько лет?* – Она взволнованно рассмеялась, не потрудившись сложить руки на груди и спрятать от меня свою грудь. Что не совсем сработало в мою пользу. Я полностью контролировал свой член, это правда, но этот ублюдок не заслуживал того, чтобы его дразнили.

– Воздержись от изготовления браслетов дружбы, Спенсер. Я не собираюсь здесь оставаться. Я возвращаюсь в Англию в следующем году.

– Я тоже, – сказал я спокойно.

Таков был план с самого начала. Вернусь в Англию, как только закончу учебу, и сделаю то, что мне нужно было сделать, прежде чем открыть студию где-нибудь в Европе. Начать все с чистого листа.

– Ты переезжаешь в Англию? – Она моргнула, пытаясь понять мои слова. Мне захотелось просунуть руку ей между бедер и посмотреть, что с ней сделают эти новости.

– Подготовительная школа Карлайл, – заметил я. – У них есть программа стажировки перед колледжем.

– Знаю. Я тоже подаю туда заявление. – Она втянула воздух, паника наконец просочилась в ее организм.

Окончательно и бесповоротно. Моя кровь потеплела при виде того, как ее лицо побледнело. Наблюдать за ее реакцией для меня было все равно, что ощущать первые лучи солнца после долгой зимы.

Стажировка проходила по шестимесячной программе, студенты работали вместе с Эдгаром Асталисом и Гарри Фэрхерстом на их выбор. Надменная задница Асталиса вернется из Кали именно для этой цели. Он любил Карлайл как свое детище.

Ты пожалеешь, что не присматривал за своим настоящим ребенком, как в Подготовительной школе, придурок.

Она хотела пройти стажировку в Подготовительной школе Карлайл так же сильно, как и я, но по совершенно другим причинам. Она хотела этого, потому что была рождена для этого – студентка Карлайла с шести лет и носительница наследия своего отца. Кроме того, стажер должен был выставить свою работу в Тейт Модерн¹⁰ в конце шестимесячного семестра. Это предлагало тот престиж, за который можно

¹⁰ Лондонская галерея модернистского и современного искусства.

было купить себе дорогу в художественную славу. И я хотел этого, потому что...

Потому что я хотел почувствовать вкус крови на своем языке.

В год было доступно только два места, и ходили слухи, что одно уже предназначалось Рафферти Поупу, гению, который скоро станет выпускником Карлайла, который мог нарисовать по памяти весь городской пейзаж. Я слышал, что Эдгар ездил по маршруту Лос-Анджелес – Хитроу шесть-восемь раз в год, чтобы проверить своих стажеров, не говоря уже о том, чтобы исчезнуть в Европе на лето.

– Ставлю телегу впереди лошади, я вижу. – Я достал из заднего кармана новую сигарету, игнорируя ее наготу, как будто она мне наскучила. – Твои шансы победить меня в чем угодно трагически малы. Надеюсь, ради твоего же блага, что ты подашь заявление в другие места.

– Я не такая, – сообщила она мне ровным голосом.

– Ну, черт возьми, если это не будет отстойно, когда папочка скажет тебе, что ты недостаточно хороша, – прощепетал я, постукивая ее по носу своей незажженной сигаретой.

– Это говоришь ты, – она скрестила руки на груди.

– Да. Парень, который заслуживает стажировки. Однако победитель должен выбрать помощника из списка кандидатов. Что означает... – я оторвал взгляд от сигареты, потирая большим пальцем нижнюю губу. – Ты могла бы стать моей сучкой на эти шесть месяцев. Мне нравится, как это звучит,

Ленора. Твоя шея будет красиво смотреться с поводком.

– Это не я стану пленницей, если ты придешь туда, – тихо сказала она. – Карлайл – моя территория, помнишь?

Она угрожала... мне.

Я уже собирался расхохотаться, когда она продолжила.

– О, и называй меня Ленни, – прошипела она. – Ленора – это старушечье имя.

И вот появилась первая трещина в ее фасаде, где признаки девушки с пылающими золотыми волосами выглядывали из готической, бледной цыпочки.

– Не хочу тебя огорчать, но Ленни – это имя гремлины¹¹. – Я отступил назад, бросив полотенце ей в руки, наконец проявив хоть каплю милосердия. – Вот. Прикройся. Я планирую как-нибудь поужинать сегодня вечером. Может, теперь ко мне вернется аппетит?

Она не сделала ни малейшего движения, чтобы надеть халат, вероятно, просто назло мне. Я покачал головой, понимая, что пробыл здесь гораздо дольше, чем ожидал. Девушка Асталис была недостаточно важна, чтобы монополизировать мое время. Я засунул сигарету в уголок рта и направился к балконным дверям, собирая ее разбросанную одежду и бросая через плечо в бассейн. Она знала мой секрет. У нее были рычаги давления на меня, и мы боролись за одно и то же место. Казалось, что спустить в унитаз свое обещание Найту

¹¹ Персонаж второй части американского фантастического комедийного фильма ужасов «Гремлина», могвай, ставший гремлином.

было в порядке вещей.

Мать Леноры умерла, и это было трагично.

Но то, что случилось со мной, тоже было ужасно.

Разница состояла только в том, что моя трагедия была тихой и неловкой, а ее – громкой и публично признанной.

Я остановился у стеклянных дверей, вертя головой.

– Это может стать действительно ужасным, Асталис.

– Уже стало. – Она поджала губы, выглядя встревоженной. – Но если ты присмотришься внимательнее, ты найдешь красоту в уродстве.

Я ушел, не сказав ни слова.

Ленора официально стала моим личным делом, и, хотя я не любил осложнений, мысль о том, чтобы уничтожить ее, пронзила меня диким желанием.

Она делала уродливые вещи красивыми.

Я собирался показать ей, что моя душа безнадежно испорчена.

Глава 3

Ленора

У нас с сестрой был очень разный опыт в американской средней школе, и это соорудило между нами невидимый барьер.

Поппи по уши влюбилась в своего парня, квотербэка, суперзвезду Найта Коула. Найт был золотым мальчиком, многообещающим и безрассудным, всегда находящимся на краю пропасти. Он возглавлял школьную стаю, так что Поппи вре-

менно заняла место на троне рядом с королем.

Что, полагаю, делало меня шутом. Я имела право проводить время при дворе королевства крутых детей, но только в качестве предмета для насмешек.

Поппи никогда не делала мне ничего плохого, но она была слишком одержима своим положением, чтобы отвлечься и заметить, когда надо мной насмеялись.

В любом случае по большей части это не имело значения. Язвительный комментарий здесь, замечание о Друзилле там. Я могла это принять. Это укрепило меня, и я даже чувствовала себя в приподнятом настроении, будто была выше всех этих подростковых проблем.

Главными преступницами являлись Арабелла и Элис.

У Элис была платиновая стрижка пикси, ореховые глаза и огромные импланты, которые Арабелла любила называть «в стиле девяностых». Арабелла была загорелой, с голубыми глазами и длинными, угольно-черными волосами, свисавшими ниже поясницы.

Они обе ненавидели меня.

Если подумать, *все* меня ненавидели.

Мой первый семестр в старших классах Школы Всех Святых оказался катастрофой. Я ожидала, что так оно и будет. Я провела большую часть своего детства и юности, бегая с призраками и гоняясь за демонами в Подготовительной школе Карлайл. У меня был лучший друг Рафферти Поуп и другие дети, с которыми я могла играть.

В Англии я всегда чувствовала себя желанной и ценной. Но не здесь, в Калифорнии.

Черный камуфляж, который я приспособила, чтобы прогнать Вона и показать ему, что я не боюсь, заставил людей называть меня уродом и изгоем. Никто, кроме Поппи, публично меня не признавал. Девушки ненавидели меня за то, как я одевалась, за то, что я всегда держала в руках толстую книгу, и за то, что отвечала Вону, Хантеру и Найту, когда они дразнили меня. Найт и Хантер в шутку, Вон более злобно.

Они называли меня *мусором* и *чудачкой* за то, что я постояла за себя.

Несмотря на то, что в первые несколько недель ко мне подходили слегка заинтересованные парни из альтернативной и готической среды, их внимание угасло, как только они понимали, что Вон Спенсер считает меня отталкивающей.

Что было буквально тем словом, которое он использовал. *Отталкивающая.*

Это случилось в кафетерии через несколько недель после того, как в моей американской средней школе произошла катастрофа. Обычно я выбирала скамейку и ела в одиночестве с книгой, но на этот раз Поппи настояла, чтобы я села с ней.

Она иногда так делала – испытывала приступ вины и заставляла меня тусоваться с ее приятелями. И я соглашалась, чувствуя себя обязанной.

Я сидела с ней и ее друзьями Хантером, Арабеллой и Стейси, которые изо всех сил старались не обращать на

меня внимания, когда вошел Вон и сел прямо между Поппи и Найтом, прямо передо мной.

Пластиковая посуда с тихим стуком упала на подносы, и люди оживленно зашептались. Вон никогда не приходил в кафетерий. Я слышала все о его легендарных выходках. Мы, смертные, были недостаточно хороши, чтобы составить ему компанию, если не считать того, что он позволял избранным девушкам сосать его член, когда чувствовал себя щедрым.

Притворившись, что не заметила его, я пролистывала «Ночной цирк»¹², откусывая кусочек от своей пиццы. Я была единственной во всем кафетерии, кто купил кусок жирной пиццы. В Тодос-Сантосе люди относились к углеводам так, будто они военные преступники, а к сахару – как к яду. С самого детства у меня были резкие линии, с небольшими намеками на изгибы, поэтому я не особо заботилась о потере фигуры. Красивые вещи требовали ухода, а у меня не было желания быть очередной красоткой.

Я не понимала одержимости красотой. Мы все стареем. У всех нас появляются морщины. Жизнь коротка. Съешь эту пиццу. Выпей это вино. Заткни этого подонка, который тебя мучает.

Мудрые слова, которые ты должна сказать себе, Ленни.
– Вон! Почему ты не ешь? – промурлыкала моя сестра, заискивая перед самим сатаной.

¹² Дебютный роман Эрин Моргенштерн, ставший мировым бестселлером и получивший ряд престижных литературных премий.

Я не рассказала ей о его визите в наш дом на днях. Она была полной противоположностью мне. Если смерть мамы сделала меня злым, непримиримым подростком, Поппи взяла за правило становиться самой милой, самой приятной Мэри Сью на свете – как будто быть идеальной и милой помешает людям уйти. От *смерти*.

Да, когда-то давно я была хорошей девочкой. Из-за этого у меня появился заклятый враг. Мне следовало кусать и пинать его, когда у меня был шанс, а не позволять ему задавать тон нашим больным отношениям.

– Вот, возьми мой салат «Цезарь». Я так наелась от того зеленого коктейля, что у меня было это доброе утро. – Поппи пододвинула к нему свой поднос.

Даже когда я перевернула страницу и попыталась сосредоточиться на книге, я могла сказать, что он смотрел на меня. Я его не понимала. Он пришел в мой дом – вломился в него – и пригрозил, чтобы я не делилась его секретом. Я подчинилась без сопротивления. Несмотря на то что я вела себя хладнокровно, я была оскорблена тем, что он наблюдал за мной совершенно голой. Я не разговаривала ни с одной душой в Школе Всех Святых. Ни о его тайне, ни о нашей истории, и вообще ни о чем.

Он вызвал меня на войну, которой я не хотела, но не собиралась избегать любой ценой.

Вон не ответил Поппи. А Найту хватило здравого смысла не задирать меня, раз уж он хотел залезть в трусики моей

сестры. Нахмурившись, он ударил Вона локтем под ребра.

– Скажите спасибо, лорд МакКантсон. Поппи вела себя вежливо.

– Я не голоден, – сказал он со своей хорошо отработанной ледяной скукой.

Мой желудок скрутило в смертельные узлы. Я чувствовала холод его бледно-голубых глаз везде, где они останавливались на мне, и подавляла сильную дрожь, покалывающую мою кожу.

– Как так вышло? – Арабелла соблазнительно потянулась, не ощущая общего настроения.

– Я нахожу некоторые вещи до отвращения непривлекательными.

Краем глаза я заметила его взгляд, скользнувший по моим губам. Пальцами он пролез в дыру на колене в своих черных узких джинсах. Его колено было слегка загорелым, с золотистыми волосами – совсем не таким, как в детстве, когда его кожа казалась болезненной из-за бледно-голубого оттенка. Сейчас его тело выглядело гладким, мускулистым и несправедливо совершенным.

В этом и заключалась трагедия Вона Спенсера. Он был само *совершенство*.

Холодный шок от его красоты выбил из меня дух, подобно сверхновой звезде. С пухлыми рубиновыми губами, дикими голубыми глазами, обрамленными густыми мужественными бровями, и скулами прямо из комиксов.

Он был великолепен, а я – нет.

Он был популярным, а я – изгоем.

Он был всем, а я...

Жар поднялся по моей шее, но я не сводила глаз с той же строки той же страницы, которую начала до того, как он подошел к столу. Я подумала о том, что не так давно прочитала, как мир ломает всех, но в результате их сломанные места становятся сильнее. Эрнест Хемингуэй сказал это, и я надеялась, что это правда.

Я проигнорировала то, что футбольная команда хихикнула и пожала плечами, указывая на меня. Поппи уставилась на Вона, открыв рот, в ярости, но, как подобает леди, не стала устраивать сцены.

– Вон находит жизнь отвратительной. Не принимай это на свой счет. – Найт бросил жареную картошку по-французски в Спенсера, смеясь, чтобы поднять настроение.

Я чувствовала на себе взгляд Арабеллы – оценивающий, насмешливый, выжидающий. Она никогда не могла смотреть на меня без того, чтобы не покраснеть. Иногда она точно так же смотрела на Поппи. Я знала, как она привязана к Найту, Вону и Хантеру – тройке амиго. Арабелла смотрела на них, как на какой-то невозможный приз. То, что они уделили мне внимание, растревожило что-то глубоко у нее внутри.

– Да. В тебе нет ничего отталкивающего. Я бы трахнул тебя, и не только анально. С удовольствием смотрел бы на твое лицо, когда погружаюсь в тебя. – Хантер схватил мою

банку диетической колы и одним глотком опустошил ее.

Если Найта считали золотым мальчиком, а Вона – плохишом, то Хантер был смесью их обоих, с волосами цвета пшеницы и хитрой улыбкой, которой даже его мать не могла доверять.

– Я бы смотрел в твои глаза, поедая тебя, как Del Taco¹³ в дороге. Противно, но оно того стоит, – воскликнул один из спортсменов, подмигнув мне.

– Я буду насаживать тебя, глядя в глаза, и цитировать Атикуса¹⁴, пока трахаю твою матку. Но это будет стоить тебе кримпая¹⁵, – бросил третий в мою сторону, многозначительно обмакивая указательный и средний пальцы в кекс на своем подносе.

Вон откинулся на спинку стула с довольной ухмылкой на лице.

Я зевнула и перевернула очередную страницу, не понимая ни одной строчки. Вон давил на меня. Я выполняла свою часть сделки между нами и держала рот на замке, но он намеренно раздражал меня.

Все это не имело смысла. Вон не был сумасшедшим. Он был жесток, когда с ним связывались, но если ты держался

¹³ Американская сеть ресторанов быстрого питания, которая специализируется на мексиканской кухне в американском стиле.

¹⁴ Анонимный канадский поэт. Его книги «Темнота между звездами» и «Правда о магии» стали бестселлерами New York Times.

¹⁵ Кримпай (*англ.* Creampie), известно также как внутреннее семяизвержение с последующей демонстрацией – термин, используемый в порноиндустрии.

на расстоянии, ты находился в безопасности.

Почему я не была в безопасности?

– Спасибо за захватывающие мысленные образы, придурки. – Вон встал, оглядываясь по сторонам. – Где Элис Хэмлин? Мне бы сейчас не помешал минет.

Господи.

– Она со своим новым парнем. – Арабелла тряхнула волосами, излишне усердно посасывая соломинку своего зеленого коктейля.

– Хорошо. Он может наблюдать, – отрезал Вон, поворачиваясь и направляясь напрямиком к дверям.

Я почти с облегчением вздохнула – *почти* – когда он остановился и обернулся, как будто что-то забыл.

– Ленора.

Мое имя казалось хлыстом, скручивающимся у него на языке. Поппи поморщилась. У меня не было выбора, кроме как посмотреть вверх. Я слегка улыбнулась своими черными губами, просто чтобы убедиться, что он знает, что я не впечатлена.

– Ты девственница, не так ли? – Он склонил голову набок, еще одна из его покровительственных ухмылок метнулась в мою сторону.

– Да, если только Люцифер не был в отчаянии... – фыркнула Арабелла, притворяясь, что рассматривает свои ярко-розовые ногти.

Еще больше смеха прокатилось по кафетерию.

– *Хватит*, – прошипел Найт, толкая свой поднос, пока он не ударился о пресс самодовольного спортсмена.

Его быстрая смена настроения заставила меня подумать, что Вон задел его чувства. Как будто *Найт Коул* вообще знал, что такое девственность. Он, вероятно, думал, что девственница – это жительница штата Вирджиния¹⁶.

– Все в порядке, Найт. Я ценю, что ты пришел мне на помощь, но мне не нужна защита от беззубых, безмозглых собак, которые лают, но ни фига не кусаются, – безмятежно сказала я, засовывая закладку между страницами своей книги.

– Ого... – Парни за столом сжали кулаки и завyli.

Я повернулась к Хантеру и спортсменам и окинула скучающим взглядом их спортивные тела.

– Кроме того, я ценю гостеприимство, но я довольно непреклонна в том, что спать нужно с мужчинами, а не с незрелыми придурками, которые годятся только для выпивки, вечеринок и сжигания с трудом заработанных денег своих родителей, отчаянно пытающихся забыть, что средняя школа – это вершина их жизни. Что кое о чем говорит, потому что в твоём возрасте не дпрочить целый день считается неимоверным достижением.

За столом воцарилась тишина. Все взгляды пытались проникнуть сквозь мою маску безразличия, за которую я цепля-

¹⁶ В английском языке слова *virgin* («девственница») и *Virginia* («Вирджиния») созвучны.

ласть окровавленными ногтями.

Неужели они ожидали, что я заплачу? Съежусь от страха? Убегу?

Чтобы спросить их, почему они это сделали?

подавив очередной притворный зевок, я облизнула палец и перевернула страницу в своей книге, вынимая закладку. Мое сердце искало путь к спасению, колотясь о грудную клетку. Одна вещь, которую я знала о таких мужчинах, как Вон Спенсер – они либо ломали тебя, либо ты ломал их. Средины не было.

Но я не буду собирать осколки, когда мы закончим друг с другом.

– Ты должна прийти и посмотреть, как это делается. – Вон проигнорировал мои слова, его железный голос рассек воздух между нами. – Подготовься к следующему году, Хорошая Девочка.

Я подняла глаза, несмотря на мои лучшие намерения.

– Когда ты будешь помогать мне, глупышка. Я уверен, твой отец считает, что это отличная идея.

Нет, он этого не сделает.

Но когда я в последний раз говорила с папой о своем искусстве? Обо *мне*? Он был слишком занят, а я была слишком застенчива, чтобы требовать его внимания. Он *мог* так думать. Он мог.

– Никогда.

– Никогда – это очень долго, – задумчиво произнес Вон,

его голос внезапно стал сладким и далеким. – Гордость предшествует падению.

– Не будь так уверен, что именно я уступлю.

– Учитывая, что ты, блин, едва можешь ходить, не спотыкаясь о собственные ноги, я весь трясусь.

– Конечно нет, Вон. Единственное, что тебя пугает, – это чувства и маленькие девочки, которые приходят не в то место не в то время.

Я годами надрывалась ради этой стажировки. И не собиралась возвращаться в замок Карлайл помощником стажера. Я сама собиралась *стать* стажером. Помогать звездному стажеру было престижно, и я бы с удовольствием воспользовалась такой возможностью, но не в том случае, если стажером будет Вон.

Он никогда не был богом с глазами океана.

Я почувствовала, как мои ноздри раздуваются, когда я посмотрела на него в ответ. Я ненавидела его беззаветно, со страстью, которая жгла мои вены. Ярость могла быть либо оружием, либо обузой, но в моем случае это было и то и другое.

В нем не было ничего дьявольского. Нет. Дьявол был красным, горячим, живым и опустошенным. Вон был Королем Ночи¹⁷ – холодным, синим, мертвым и расчетливым. Ты не

¹⁷ Вымышленный персонаж, появляющийся в фантастическом телесериале НВО «Игра престолов» по мотивам романа Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени».

мог добраться до него, как бы ни старался.

Я думала, что ношение черной одежды, подводка для глаз и сочинение сложных историй о моем лете в Бразилии для сокурсников, которым было все равно, покажут ему, как сильно я изменилась. Но он продолжал оспаривать каждый слог, который вырывался из моего рта.

Пришло время дать отпор.

– Знаешь что? Я думаю, что урок горлового пения – *отличная* идея. И кто может преподать его лучше, чем *эксперт*? – Я вскочила на ноги, отодвигая свой поднос в сторону.

На самом деле я наслаждалась своей пищей до его прихода, но я больше не была голодна. Я также знала, что, назвав его экспертом, я опасно приблизилась к правде о том, что произошло в фотолаборатории в тот день.

– Может, взять с собой блокнот, чтобы делать заметки? Или айпад? – Я ангельски улыбнулась, подмигивая ему.

– Только твоя умная попка.

Если Вон и был смущен и ошеломлен, то не подал виду. Поппи, однако, мгновенно вскочила.

– Ленни! – Она хлопнула себя по сердцу. – Зачем тебе вообще...

– Возвращайся к притворству, что у тебя есть личность, душа или перспективы, которые не включают в себя брак с богатым, жирным засранцем, который будет изменять тебе со своей секретаршей и родит тебе уродливых детей, Нар-

цисс, – рывкнул Вон на мою сестру, его ледяные глаза все еще удерживали мои. – Это только между мной и твоей сестрой.

– Я Поппи! – воскликнула она, и Найт потянул ее за подол юбки, чтобы усадить обратно.

– Потому что в этом и состоит вся долбаная проблема с тем, что я тебе только что сказал. – Рот Вона угрожающе дернулся.

Я схватила свой рюкзак с акулой Sprayground¹⁸ и последовала за Воном из кафетерия, прекрасно осознавая, что все взгляды были направлены на наши спины, когда мы выходили через двойные двери.

Позади меня раздался голос Найта, хриловатый, низкий и ленивый.

– Вы все будете медленно танцевать под песню Билли Джоэла¹⁹? Если да, не забудьте оставить место для Иисуса. И Моисея. И Мухаммеда. А еще для Post Malone²⁰, потому что, эй, теперь он тоже своего рода религия.

Когда мы вышли в гудящий коридор, я не могла не заметить, каким высоким стал Вон. Ел он в школе или нет, но парень определенно *ел*, все в порядке. Он красиво заправил свою одежду. Он не был мускулистым, но отличался жи-

¹⁸ Бренд уличной одежды, известный своим уникальным и ярким дизайном.

¹⁹ Американский автор-исполнитель песен и пианист, один из шести наиболее продаваемых артистов в США за всю историю страны, обладатель шести наград «Грэмми».

²⁰ Американский рэпер, певец и автор песен, получил широкое признание в феврале 2015 г. после релиза своего дебютного сингла «White Iverson».

листой ловкостью и грацией лучника. На самом деле в нем больше не было ничего мальчишеского. Он был настоящим мужчиной, и по иронии судьбы он так сильно напоминал мне культовые императорские статуи, которые вырезал.

– Что хорошо, Хорошая Девочка? Я имею в виду, кроме твоей нетронутой девственной плевы, – спросил он, скользя по коридору в поисках Элис.

Мне было трудно поверить, что он сможет вырвать Элис из объятий ее парня, но с Воном Спенсером случались и более странные вещи. К тому же я знала Элис. Ей нравился Вон, несмотря на его эксцентричное, деспотичное поведение.

– Избавь меня от этого дерьма, Вон. Ты меня ненавидишь.

– Ненавижу тебя? – размышлял он в позе *Мыслителя*²¹, сжимая кулак под квадратным подбородком. – Нет, это требует каких-то чувств. А я нахожу тебя до неприличия посредственной. Собираешься струсить передо мной, Асталис?

– Нет, – отрезала я. – Ты, кажется, стремишься показать всем свего Вилли. Ты знаешь, что пятьдесят процентов населения мира составляют мужчины, верно? Твой член не является национальным достоянием.

– Не отрицай, пока не попробуешь. – Его челюсть дернулась, и он, казалось, закончил разговор.

Я задела его за живое. Почему Вон так любил публику,

²¹ «Мыслитель» (*фр.* Le Penseur) – одна из самых известных скульптурных работ Огюста Родена.

когда он был близок с девушками?

И раз уж мы заговорили на эту тему – почему он выбрал наименее интимный способ близости с девушками? Тот, который не требовал от него прикосновений, ласк, взаимности?

Прошло несколько секунд тишины, прежде чем он завернул за угол и щелкнул пальцами, жестом приглашая меня следовать за ним.

Элис.

– Ты действительно думаешь, что девушка, у которой отношения, собирается отсосать у тебя? На территории школы? Пока люди смотрят? – не в силах сдержаться, выпалила я.

– Да.

– Для тебя это игра?

– Если бы это было так, я бы сдал тебе эти чертовы карты.

А теперь заткнись.

Я все слышала о Воне и публичных минетах. В этой школе не было ни одного человека – кроме меня – кто не видел форму и размер его (якобы внушительного) члена, исчезающего в горле очередной девушки. Иногда их было две, они облизывали его по очереди. Люди говорили, так происходит потому, что он был красивым, ни на кого не похожим и самым богатым парнем в городе таким, что каждая девушка тайно хотела выйти замуж за представителя семьи Спенсеров, которые были практически королевскими особами по имени,

имуществу и репутации. Будучи потомственными богачами, они владели железными дорогами, элитной недвижимостью и хедж-фондами²² и являлись одной из двадцати пяти самых богатых семей Америки.

Его предки построили этот город, и он собирался унаследовать большую его часть.

Но я думала, что существовали и другие причины, по которым девушки давали Вону то, чего он хотел.

По сути, в глубине души нам всем нравилось быть сексуально униженными, хотя бы немного. Запретная тема, беспомощность, та часть, где вы полностью во власти другого человека.

Мы все немного мазохисты.

Особенно когда молоды.

И сильны.

И красивы.

И богаты.

Оцепенение от роскошной жизни легко снималось стыдом, который Вон распространял в изобилии. Ему нравилось унижать людей. Очень.

Вон остановился перед рядом черных и темно-синих шкафчиков. На Элис было цветочное платье с вырезом сердечком, пышными рукавами и разрезом сбоку. Парень ря-

²² Хедж-фонд – частный инвестиционный фонд, который объединяет средства крупных инвесторов и использует их для инвестирования на различных финансовых рынках.

дом с ней был небольшого роста, и он выглядел до смерти богатым, с дорогой стрижкой и в элегантным темно-синем блейзере. У него были добрые карие глаза и необычные черты лица.

– Элис, – прошипел Вон, игнорируя парня.

– О, привет, Спенс. – Она сдула прядь своих коротких волос с глаз, ее розовые губы скривились в восхищении.

Меня чуть не стошнило, когда она наклонилась вперед, чтобы чмокнуть его в щеку, стряхивая руку своего парня со своей талии.

– Ты могла бы по-быстрому отсосать у меня в течение следующих десяти минут. Новичку здесь нужно преподать урок. – Вон ткнул большим пальцем за спину, в мою сторону.

Взгляд Элис встретился с моим, и ее глаза на долю секунды расширились.

Мы с тобой вдвоем, девочка.

– Ммм... – она взглянула на парня рядом с ней, покусывая сбоку ноготь.

Его глаза медленно расширялись, шок просачивался в его организм. Она собиралась бросить его. Хуже всего было то, что она даже не задумывалась об этом и не велела Вону отвалить. Ее глаза говорили: *«Прости, ты не будешь возражать?»*

– Джейсон... – начала она.

Мне хотелось ударить ее за него, желчь подступала к горлу, как вода в переполненной кастрюле. Он уставился на

нее с выражением лица, искаженным страданием, безмолвно умоляя не заканчивать предложение.

– Однако практика делает все идеальным, верно? – встала я с чириканьем, делая шаг вперед. – И поскольку Элис так добра, что согласна продемонстрировать свою безупречную технику орального секса на Воне, ты не мог бы быть моим подопытным кроликом, Джейсон? – Я расстегнула молнию на своей кожаной куртке, сбросила ее и перекинула через плечо. Я протянула ему руку для рукопожатия.

Это было идеально, действительно – выражение ужаса на лице Элис, когда Джейсон бросил взгляд на Вона, у которого дергалась челюсть, и взял мою руку, вяло пожимая ее.

– Не волнуйся. Я все равно буду наблюдать. – Я похлопала Вона по спине, сохраняя свой легкий тон, когда мы вчетвером направились по коридору бог знает куда. – Хотя, возможно, у меня есть несколько трюков в рукаве. – Я подмигнула.

Вранье.

Я никогда раньше не делала минет и еще минуту назад не планировала такого ни с кем, кроме Александра Скарсгарда²³, с которым, к сожалению, у меня не было реальных шансов когда-либо встретиться. Но Вон давил на меня, а Джейсон изо всех сил старался не заплакать, хотя его унижение раздулось и висело в воздухе, как туман.

²³ Александр Скарсгард – шведский актер, лауреат премий «Золотой глобус» и «Эмми».

Если бы я могла вернуть Джейсону немного самоуважения, в то же время шокировав Вона, заставив его понять, что я не слабак, может быть, он наконец отступил бы.

Но Вон совсем не выглядел шокированным. Он выглядел... *взбешенным*. Его челюсть тикала так сильно, что я подумала, что она может вырваться у него изо рта и откусить мне лицо.

Он потянул меня за рукав, дергая вперед, заставляя не отставать от него своим шагом, на несколько футов опережая Джейсона и Элис.

– Какого хрена ты пытаешься сделать? Докажешь свою точку зрения? – Он оскалил зубы.

– Какой в этом может быть смысл? Что у меня есть рот? – Я безмятежно улыбнулась, испытывая странное удовольствие от того, что он был раздражен. – Может, я тоже хочу что-то предпринять.

– С этим ублюдком? – Вон фыркнул, его ноздри раздулись. Я подстроилась под его шаг, отчаянно стараясь не задыхаться. – Он не сможет тебя возбудить с четырьмя дилдо, волшебной палочкой, вибратором и всей футбольной командой.

Я бы рассмеялась, если бы так не нервничала из-за того, что мы собирались сделать.

– Некоторым нравятся смуглые, высокие и красивые. Мне нравятся светлые, невысокие и... нормальные.

Вон распахнул дверь и бесцеремонно впихнул меня

внутри с силой, ясно говорящей о том, что он не на шутку разозлился. Комната была темной, захлавленной и душной. Здесь пахло пылью и чистящими средствами. Видимо, комната уборщика.

Очаровательно.

Элис и Джейсон присоединились к нам, и Вон закрыл за ними дверь. Он включил свет. Все еще хмурясь, он начал сердитыми, отрывистыми движениями поправлять ремень.

– Я могу помочь тебе с этим. – Элис облизнула губы, ожидая его согласия.

Джейсон настороженно посмотрел на меня, ожидая указаний.

Во что я ввязалась?

– Джейсон, иди сюда. – Я неловко помахала ему рукой, собирая свои волосы и перекидывая их через плечо. Он зашаркал ко мне, по пути ударившись коленом о метлу. Ястребиные глаза Вона следили за нами, пока Элис продолжала расстегивать его. Звук металлического щелчка заставил мое сердце дрогнуть.

Элис обхватила член Вона через его черные трусы, но он все еще смотрел на меня.

– Ленора. – В его голосе звучали угрожающие нотки, жесткие и режущие, как битое стекло. Я поняла предупреждение, когда услышала его.

Не обращая на него внимания, мои неуверенные пальцы теребили застегнутые брюки Джейсона. Вспышки воспоминаний

наний о замке Карлайл, моего тела, дрожащего под пальцем Вона Спенсера, как лист, пробежали по темным коридорам моего мозга. Он думал, что я такая наивная, слабая девочка.

Если бы мне пришлось отсосать незнакомцу, чтобы показать ему, что у меня тоже было опасное преимущество, я бы пошла на эту жертву и позже справлялась с психологическим ущербом.

Держась за всю эту неуправляемую ненависть, я, скорее всего, заработала бы сердечный приступ, что и происходило.

Хотя я и не предполагала, что это произойдет, брюки Джейсона соскользнули вниз, ткань собралась вокруг его лодыжек с мягким стуком. Теперь он был в трусах и уже встал. Я наблюдала за выпуклостью его члена, прилипшего к животу через ткань – как пиявка, длинный, опухший и пугающий.

Ленни, ты, глупая корова, на этот раз ты действительно делаешь это.

Ни одна часть меня не хотела этого делать. Правильным курсом действий должно было быть информирование педагогического персонала и моего отца о том, что Вон издевался надо мной. Не то чтобы он сделал именно это. Он не заставлял меня ничего делать, но он бросал вызов каждому моему шагу и следил за тем, чтобы я помнила, что мне здесь не место.

Хотя это был не фильм. Никто не счел бы мои действия героическими или приемлемыми, если бы я вышла вперед и пожаловалась. Люди назовут меня стукачом, отвернутся от

меня, в то время как сейчас большинство из них просто игнорировали меня или обзывали. В общем, мне оставалось пережить здесь, в Калифорнии, чуть меньше года. Я могла бы смириться с этим.

– *Ленора*, – снова съязвил Вон, его властный голос прорезал воздух, как лезвие.

Сглотнув, я осторожно положила руку на... *член* Джейсона. Он подпрыгнул. Я подпрыгнула вместе с ним, невольно вскрикнув.

– Ты в порядке? – нахмутив брови, Джейсон неловко переминался с ноги на ногу.

Очевидно, он делал это по той же причине, что и я. Воздаяние. Элис была безумна, бросив его ради Вона.

– Все доказательства указывают на то, что это так, – выпалила я, нервно усмехнувшись. – Я в порядке, правда. Это... прекрасно. Я имею в виду, не твой член. – Члены не бывают прекрасными, не так ли? – не то чтобы я говорю, что твой член *не прекрасен*. Это просто. О... не обращай внимания.

– Ага. Девственница, – сказал Вон рядом со мной, в его голосе слышалось победоносное удовлетворение.

Он смеялся точно так же, как тогда, когда заметил, как двигались мои веки в ту ночь, когда это случилось. Лава закипела у меня в животе, и с вновь обретенной яростью я опустилась на колени и посмотрела на Вона.

Элис быстро повторила мои движения, как будто это было соревнование, опустилась на колени и попыталась сдернуть

черные трусы Вона. Он схватил ее за руку и удержал на месте, не позволяя ей опустить их, его глаза смотрели на меня.

Я обхватила пальцами край трусов Джейсона и стянула их вниз. Я не собиралась признаваться в своей девственности здесь, в этой комнате, ради Вона, чтобы он смеялся над мной целую вечность.

Член Джейсона выскочил, фиолетовый и злой, всего в нескольких дюймах от моего лица. Я потрясенно втянула воздух и напомнила себе о призраках в замке Карлайл. Если смогла справиться с призраками, ночуя одна у себя в комнате, то уж с членом, даже таким непропорционально огромным, я точно справлюсь.

– Лен... – Голос Вона затих. В первый раз он не казался таким мрачно удивленным моими выходками.

Я схватила член Джейсона, все мое тело тряслось от гнева и адреналина. Я хотела сделать это, чтобы разозлить Вона до неузнаваемости. Причинить ему боль. Я наклонилась вперед, зажмурив глаза и думая о хорошем...

Дом.

Далеко отсюда.

Дом.

Чипсы с уксусом и ледяным сидром.

Дом.

Мчусь по полям за моим домом, пока трава хлещет меня по лодыжкам.

Дом.

Снова работаю в студии.

Дом.

Создаю красивые вещи из уродливых.

Дом.

Целуюсь с мальчиками. С правильными мальчиками.

Мальчиками, из-за которых мне не хочется умирать.

Дом. Дом. Дом.

– Хватит!

Я почувствовала, как меня дернули за воротник рубашки «Металлика» в другой конец комнаты. Вон теперь стоял между мной и Джейсоном, разделяя нас, пока я лежала на полу. Он указал на меня, повернувшись лицом к Джейсону.

– Что с тобой не так, ты, козел, расходующий кислород?

Ты разве не *видишь*, что она этого не хочет.

– Это шутка? Ты только что сказал моей девушке отсосать тебе у меня на глазах! – закричал Джейсон, его лицо стало ярко-красным и блестело от холодного пота.

– Твоя девушка *не девственница*, – крикнул в ответ Вон.

– И это дает тебе право обращаться с ней, как с мешком для спермы? Не вешай это на меня, Спенсер. В этой комнате есть только один извращенный ублюдок, и это парень, который только что сказал моей девушке, что она должна отсосать ему перед новичком, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Вон запрокинул голову и засмеялся, в то время как Джейсон засунул свой полутвердый член обратно в трусы, подтя-

гивая брюки. С каждой секундой, пока он одевался, я чувствовала, как успокаивается мое сердцебиение.

Вон вел себя так, как будто его идея была сумасшедшей. Я собиралась пнуть его по яйцам. У меня даже был хороший угол обзора с моего места на полу.

– Убирайся отсюда к чертовой матери и больше к ней не подходи. Скажи своим придуркам, друзьям из дискуссионного клуба, чтобы они сделали то же самое. Если приблизятся к Леноре Асталис, им не жить. Все знают, что она моя собственность. И возьми *ее* с собой. – Вон толкнул Элис в сторону Джейсона, его лицо ничего не выражало, и вытолкнул их обоих. Он захлопнул дверь как раз в тот момент, когда прозвенел звонок. Я вскочила на ноги, задрвав подбородок. Здесь витал мускусный аромат и было слишком тесно. Хотелось выбраться отсюда поскорее.

Больше всего я не желала смотреть на лицо Вона после того, как он увидел, что я в ужасе от мужского члена, как будто это трехголовое чудовище.

– Твоя собственность? – зарычала я. – Пошел ты, Спенсер. Я бы лучше поселилась у озабоченных членов банды, чем позволила тебе облапать меня.

– Заткнись, – прошипел он, снова поворачиваясь ко мне спиной и собираясь с духом, вцепившись пальцами в край стола. Он даже не мог посмотреть на меня, так он был зол.

Даже хорошо. Я тоже покончила с ним.

– Мне надо в лабораторию. – Я направилась к двери.

Вон схватил меня за запястье, поворачивая к себе. Я подняла глаза, ожидая, что он покажется самодовольным. Торжествующим. Счастливым. Вону делал минет любой, у кого был пульс в этой части штата, а я никогда в жизни не прикасалась к члену. Сегодняшний день только подтвердил это.

Просто фантастика.

К моему удивлению, его лицо было лишено каких-либо эмоций – обычный холодный, непроницаемый вид, который я не могла разгадать. Чистый холст.

Думаю, он не был таким насмешливым, когда мы находились наедине. Просто источал тихую жестокость.

– Ты пропустила класс, – сказал он.

Что?

Я нахмурилась, надеясь, что мои щеки и уши не были такими красными, как я чувствовала.

– Когда? – он настаивал.

– С девятого по десятый.

– Почему?

Я потеряла свою мать и закрылась от мира. Я сосредоточилась на учебе и рисовании, уставившись в потолок своей спальни, сидя на кровати, слушая «Прошлой ночью мне снилось», куря отвратительные сигареты с звездикой, которые я нашла за розовыми кустами в Подготовительной школе Карлайл.

Я решила, что влюбляться бессмысленно. В конце концов мы все умрем. Я даже так и сказала папе – что я хочу же-

ниться на своем искусстве, как это сделал он после мамы. Искусство никогда не уходит. Оно никогда не умирает. Оно никогда не перестает просыпаться однажды утром.

Ars Longa, Vita Brevis.

Искусство вечно, жизнь быстротечна. Я вытатуировала это на внутренней стороне бедра в тот момент, когда мне исполнилось семнадцать – в уединенном и интимном месте, чтобы напомнить себе, что все, что я хотела создавать, – это более красивые, безжизненные вещи.

– У некоторых из нас есть цели, которые не включают в себя заражение венерическими заболеваниями и получение кайфа. Я усердно работаю ради того, чего хочу.

– Ты осталась в Англии, когда твой отец с сестрой переехали сюда. Почему?

Из-за тебя.

Но это было правдой лишь отчасти. Уезжая, я чувствовала себя так, словно оставила маму позади.

Я ничего не сказала.

– Что заставило тебя приехать сюда? Почему сейчас?

Папа вынудил меня. Кроме того, одиночество грызло изнутри, как рак. Я нанесла боевую раскраску, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы удержать Вона на расстоянии. Как оказалось, он воспринял это как приглашение к битве и приготовился к бою.

– А как насчет парней? Подружек? Светской жизни? – Его пальцы вокруг моего запястья сжались в болезненной хват-

ке.

Мне хотелось плакать. Не потому, что он причинял мне боль, а потому, что мне это *нравилось*. Мне понравилось, что он не обращался со мной, как с ребенком, потому что я потеряла мать. Мне нравилось, что он был опытен и равнодушен к сексу. Мне нравилось, что он был ошеломляющим, холодным и многообещающим, как рождественское утро, и я завладела его безраздельным вниманием, даже если это было неправильное внимание. И я была в абсолютном ужасе, обнаружив, что часть меня хотела, чтобы он сильнее сгибал мое запястье, пока тупая боль не стала острой.

Я покачала головой. Моя личная жизнь его не касалась.

– Никакой социальной жизни. – Он хмыкнул. – Отлично.

Как продвигается проект по стажировке? Что ты делаешь?

Почему его это волнует? Он только что пригласил меня посмотреть, как кто-то сосет его член. Я уставилась на противоположную сторону, на стену, игнорируя его. Чем меньше я отвечала, тем больше ему надоедала.

– Я начал работать над своим вчера, – сообщил он мне. –

С композицией пришлось повозиться.

Он вел светскую беседу?

– Ты ни за что не сможешь сдать ее вовремя, – сказала я.

Мы должны были сдать наши работы для прохождения практики довольно скоро. Мой проект был готов. Осталось только доработать.

Он пожал плечами.

Мое сердце бешено забилося. Это было хорошо. Это означало, что он отстал, и у меня было больше шансов зацепиться за это место.

Я сглотнула, пытаясь скрыть свое ликование.

– Не волнуйся. Даже если работа будет закончена на четверть, твой отец в любой день предпочтет мой проект твоему.

Я ничего не ответила на это, поэтому он продолжил.

– Знаешь... – Его дерзкая ухмылка появилась как раз в тот момент, когда я подумала, что спасена от этого, и моя кровь снова закипела в жилах, а глаза наполнились раздражением. – То, что я сказал тебе за тем фонтаном, когда мы были детьми, все еще в силе.

Он прислонился к столу, притягивая меня к своему длинному, твердому телу. Теперь я была прижата к нему вплотную, и он ощущался как гранит под моими мягкими конечностями.

– Я мог бы поцеловать тебя, и ты все равно позволила бы мне. Потому что ты все еще хорошая, и я все еще плохой. Ничего не изменилось. Мы все те же дети. Наша игра сейчас просто более опасна.

И моей матери больше нет в живых, чтобы предостеречь меня от сахара или таких парней, как ты, с горечью подумала я.

– Я думала, ты пока не собираешься сдавать наши карты. – Я выгнула бровь.

– Я передумал. Одна маленькая игра не повредит. Во всяком случае, мне.

– Тогда проверь это, – прошипела я. Мне хотелось сделать свой первый ход в игре, чтобы знать, куда целиться, когда настанет его очередь пытаться сломать меня.

Он уставился на меня на мгновение, его взгляд скользнул к кольцу на губе. Он наклонился, почти как в замедленной съемке, собираясь поцеловать меня. Я не могла поверить в то, что видела. В то, что он *делал*. Мальчик, который ненавидел меня, приблизил свои губы к моим. Но в этом не было ничего романтического.

На спор. Пари. Еще один вызов.

Игра во власть.

Когда наши губы соприкоснулись, дрожь пробежала по моей спине, как от зажженной спички. Он терпеливо провел своими губами по моим, его горячее дыхание обдувало мой рот. Мое сердце ускорилося до опасной скорости, светлячки вырвались наружу, словно из каменной банки. Целовать его было все равно что стоять на краю обрыва. Прекрасный вид, но ты знаешь, что это смертельно опасно. Тем не менее глупая, иррациональная, опасно живая часть тебя все еще хотела броситься вниз, чтобы встретить свою собственную смерть.

Я чувствовала его губы не только на своих губах.

Я чувствовала их на кончиках пальцев, вплоть до пальцев ног.

Я чувствовала их, когда моя кожа покрылась мурашками.

Он действительно это делал. Целовал меня. В ту минуту, когда его рот сомкнулся на моем, я открыла рот и сомкнула зубы вокруг его нижней губы, не останавливаясь, пока не впилась так сильно, что почувствовала, как мои зубы стучат друг о друга. Теплая кровь наполнила мой рот. Он не отступил, и я не отпустила его. Я сильнее впилась зубами, когда его рука переместилась между нами, его большой палец скользнул на мою губу, сжимая ее, дразня, причиняя мне боль в ответ.

Он улыбнулся в наш поцелуй. Я поняла, что ему это понравилось. Я причинила ему боль, заставляя его истекать кровью.

Только когда он собирался выдернуть кольцо из моей губы, я наконец отстранилась. Он полностью опустил руку.

«Так вот в чем была игра, – промелькнула у меня мысль. – Я причинила ему боль, и он причинил мне боль в ответ, но только настолько, насколько я могла вынести».

Я провела языком по зубам, смакуя его теплую, соленую кровь. Когда я снова посмотрела на него, он вдруг показался мне невероятно смертным. Даже по-мальчишески. С красной полосой крови, размазанной по его рту, ожидая, что я что-нибудь скажу.

Признать, что он был не единственным испорченным человеком в комнате.

– Твоя ошибка. Я не хотела, чтобы ты целовал меня. – Я

облизнула уголки губ, насмехаясь над ним.

Он ухмыльнулся, наклонился и, схватив зубами кончик моего уха, прошептал:

– Ты хотела этого, и тебе это понравилось, но в следующий раз, когда я прикоснусь к тебе, Хорошая Девочка, я не только испачкаю тебя. Я сделаю тебя такой же грязной, как я сам.

* * *

С этого дня одновременно произошли три вещи:

1. Вон начал следить за моим общением в школе, особенно с парнями. Парни полностью перестали замечать мое присутствие, во всех классах и статусах, кроме Найта и Хантера, которые не боялись своего сумасшедшего приятеля. Все остальные узнали, что Ленни Асталис была безвольной собственностью Вона, и хотя я не интересовалась ни одним из школьных парней, то все равно думала, что они трусы, потому что послушали Вона.

Конечно, я была самым худшим видом собственности – пренебрегаемым видом. Вон пошел еще дальше, чтобы убедиться в том, что люди знают, что я для него ничто. Прошел короткий слух о том, что я подхватила хламидиоз от бразильского манекенщика, с которым я якобы занималась сексом летом, но слух быстро сошел на нет, когда Вон заявил, что никто не был настолько отчаянным, чтобы переспать со мной.

2. Девушки, которые слышали разные версии того, что произошло в комнате уборщика (исключительно от Элис и Арабеллы), и знали теперь без тени сомнения, что Вон проявил ко мне маловероятный интерес, перешли от неприязни к активному презрению. Поппи часто приходилось пропускать некоторые из своих внеклассных занятий, просто чтобы проводить меня домой и убедиться, что меня не преследуют и не беспокоят. Арабелла и Элис продолжали называть меня Вампиршей из-за моего наряда и пристрастия ко всему черному и придирались из-за Вона всякий раз, когда приходили навестить Поппи. На их вопросы я отвечала молчанием.

3. Вон начал появляться у меня дома почти каждый день, чтобы работать над своим таинственным проектом с моим отцом.

Папа проникся к Вону симпатией, когда впервые увидел его художественный талант на летней сессии, и теперь, когда Вон выразил заинтересованность в тесном сотрудничестве с ним, я думаю, папа почувствовал себя польщенным. Даже несмотря на то, что Вон не знал о том факте, что я была слишком поражена, чтобы говорить с собственным отцом о своем искусстве, он знал, что причиняет мне боль, приходя сюда. Каждый раз, когда я открывала дверь, и он был с другой стороны со своим оборудованием для скульптуры, он одаривал меня кривой усмешкой, которая напоминала мне, что он поцеловал меня не так давно, что независимо от того, насколько отвратительным я его находила, у меня когда-то

была его кровь во рту.

Его нижняя губа все еще была в синяках от моего укуса.

– Уже отказалась от этой стажировки? – спрашивал он.

– В твоих мечтах, – отвечала я, и он добродушно смеялся и качал головой, проходя мимо меня.

Глава 4

Ленора

В тот день, когда Найт расстался с Поппи, я сидела в комнате сестры и гладила ее по волосам. Парень, который оберегал ее от других парней, потому что так беспокоился за драгоценное сердце моей сестры, в итоге потоптался по нему, как по танцполу.

Я пыталась удержать свою сестру от того, чтобы она не бросилась с нашей крыши.

Слух о том, что от Поппи преждевременно избавились из-за студентки колледжа, распространился в Школе Всех Святых как лесной пожар на сенокосе. Ее шкафчик был исписан граффити, и когда она открыла его сегодня, то обнаружила настоящее человеческое дерьмо поверх своих книг с пометкой: *Выброшено!*

Найта сегодня нигде не было видно, и Поппи поклялась не возвращаться в школу до конца года. Я обнимала и утешала ее весь вечер. Поппи по праву не могла доверять своим так называемым лучшим подругам, Элис и Арабелле, которые первые распространили слух о разрыве по коридорам школы.

Пчелиные матки Всех Святых отвернулись от моей сестры, теперь, когда она больше не находилась под защитой *Найта Коула*.

Этот год был ужасным для меня, но на самом деле Поппи здесь нравилось до того, как случился весь этот разгром с Найтом. У меня не было друзей, я не ходила на свидания и не накапливала хорошие воспоминания на будущее. Во многих отношениях это было похоже на долгую, мучительную ночь, без снов или даже кошмаров, которые занимали бы мой разум – большое, жирное ничто, уставившееся в потолок, которое заставило меня задуматься, существую ли я на самом деле.

По крайней мере, мы приближались к выпускному. Я все еще не подавала заявлений ни в какие колледжи, ни в Ев-

ропе, ни где-либо еще, молясь об этой стажировке. Куда бы Вон ни поехал, даже если бы это было в Англию со мной, я все равно буду на своем родном месте. Там у него не было бы такой власти. В любом случае он все еще не закончил свою работу, и кто знает, что он на самом деле представит им, когда будет должен отправить заявку на стажировку. Прошел, по крайней мере, месяц. Но у меня была рыба покрупнее, которую нужно было поджарить.

Найт не был плохим человеком, но как парень он был ничемным, и я подумала, что Поппи заслуживала гораздо большего, чем то, что он ей предложил.

– Отпусти все это. – Я погладила светлые волосы Поппи, целуя ее в макушку, пока она уютно устроилась в моих объятиях на своей кровати. У нее была кровать принцессы с балдахинном, вся в детском розовом и белом, и туалетный столик размером со всю мою комнату. Меня такие вещи не привлекали, в отличие от Поппи.

Я не винила ее за это. Мы были именно такими. Ей приходилось заботиться обо мне в школе, потому что я постоянно попадала в неприятности.

Поппи высморкалась в подол моей шотландской юбки, и я позволила ей.

– Он такой засранец! – воскликнула она, снова заливаясь слезами.

– Мирового класса. – Я кивнула, присоединяясь к ее словам. – Ему должны присудить медаль за тот уровень жопо-

лизства, который он демонстрирует.

– Но он такой великолепный.

– Конечно, если тебе нравится этот образ Шон-Мендес-встречает-Чейза-Кроуфорда²⁴. Но есть много великолепных парней, и ты заслуживаешь того, кто поймет, насколько ты особенная. – Я осторожно убрала волосы, прилипшие к ее влажной щеке, заправляя их за ухо.

Поппи села, вытирая глаза изодранной салфеткой.

– И все же, так ли это? – Она прищурила свои опухшие глаза, глядя на меня.

Я взяла несколько свежих салфеток с ее тумбочки и протянула их ей вместе с бутылкой воды.

– Ты что? – спросила я.

– Особенная. Ты особенная, Ленни. С твоим искусством, причудливым отношением и тем, как ты притворяешься, что тебе все равно, когда великолепные, богатые парни, такие как Вон Спенсер, делают тебя ходячей мишенью. Но я не такая. Я не талантлива, не сильна и не сильно интересна. У меня нет никакой особенной внешности, одежды или способностей. Я даже не умею читать книги. – Она шмыгнула носом, теперь подозрительно хмурясь, глядя на меня, как будто это была моя вина, что она решила носить популярные бренды высокого класса, красить волосы и заводить нормальных,

²⁴ Кумиры американской молодежи. Шон Мендес – канадский певец, автор песен и модель. Чейз Кроуфорд – американский актер, известный ролью Нейта Арчибальда в молодежном телесериале «Сплетница».

популярных «друзей».

– Ты можешь быть талантливой и совершенно ужасной, – осторожно сказала я, думая о Воне. – И у тебя также может не быть ни одной артистической косточки во всем теле, и все равно ты будешь самой редкой вещью во вселенной. Это в твоих действиях. Это твоя душа. Ты особенная, Поппи, потому что ты заставляешь людей чувствовать себя классно. Никто не может отнять этого у тебя.

Она бросилась в мои объятия, и мы сидели так, казалось, целую вечность, обнимаясь и раскачиваясь взад-вперед, наслаждаясь горько-сладкой агонией любви к парню, который не любил ее в ответ – не то, чтобы я что-то знала об этом. Разбитое сердце было обоюдоострым мечом, с моей точки зрения. И у меня не было никакого желания испытать всю бурю эмоций. *Никогда* не пойду на это.

Тот день в кладовке уборщика потряс меня. Не то чтобы я нашла *член* Джейсона... привлекательным, но в нем было что-то возбуждающее. Если быть честной с самой собой, острые ощущения были больше связаны с прикусыванием губы Вона и наблюдением, как он с легкой ухмылкой слизывает собственную кровь, и меньше связаны с Джейсоном. Мне нравилось, что Вон оторвал меня от парня Элис, что он был собственником по отношению ко мне. И хотя с тех пор я слышала о его выходках – исчезать с девушками в комнатах во время вечеринок, на которые меня не приглашали, – я также знала, что ему интересно.

Его интересовало, с кем я встречаюсь.

С кем я была и что я с ними делала.

Я удовлетворяла его любопытство и играла в его игры разума.

Я всегда носила телефон с собой в школе. Как-то я написала Поупу, моему лучшему другу из Карлайла, чтобы он приготовился, и улыбнулась в телефон. Потом приложила руку к щеке и притворилась, что краснею.

По ночам, когда я знала, что Вон появится у меня дома – потому что мой отец уже был в студии и готовил свои инструменты, – я выходила, даже просто покататься, и возвращалась с растрепанными волосами и намеренно размазанной черной помадой.

Я сводила его с ума, потому что он сводил с ума *меня*. Я хотела бороться с ним, причинить ему боль за то, что он делал со мной. Укусить его. Попробовать его на вкус. Почувствовать его.

Я часто пробиралась в дом, когда он уходил, усталый и грязный, с растрепанными волосами. Он забирался в свой потрепанный грузовик и молча хмурился, глядя на меня, как будто пытался телепатически выжать из меня ответы.

– Ленора?

Я услышала тихий стук в дверь Поппи. Папа, должно быть, услышал мой голос, доносящийся из этой комнаты.

– Входи, папа. – Поппи быстро вытерла остатки слез салфеткой, которую я ей дала, и выпрямила спину, приклеив до-

вольно жуткую улыбку на лицо. Она никогда не хотела расстраивать нашего отца. Одна из многих жертв, которые она принесла с тех пор, как мы потеряли маму. Поппи была воплощением заботливой дочери, в то время как я носила отвратительную одежду и кусала мальчиков, которые выводили меня из себя.

Мой отец стоял в дверном проеме, его длинные, седые, вьющиеся волосы закручивались спиралью на макушке, как эксцентричная шляпа Элтона Джона, его борода почти достигала круглого живота Будды. Папа выглядел как персонаж Гарри Поттера – мягкосердечный профессор-волшебник, который казался большим и пугающим, но не обидел бы и мухи. Я знала, что он любил маму и нас, но у меня всегда было отчетливое чувство, что мы стояли на втором месте сразу после его творчества.

Мама не хотела, чтобы он открывал Подготовительную школу Карлайл, – и, я уверена, до сих пор не изменила бы своего отношения.

Мама убила бы его, если бы была жива, увидев, что он оторвал нас от привычной Англии и увез в Америку ради своего проекта. Он не мог устоять перед настоящим испытанием.

Папа знал, что я никогда не хотела жизни вне искусства, и он никогда не подталкивал меня к большему – не встречаться с парнями, не заводить друзей, которые не были Рафферти, не жить настоящей жизнью.

Список, естественно, продолжался.

– Что вы задумали, девочки? – Он посмотрел между нами с извиняющейся улыбкой. Вот такие у нас были отношения с папой. Чересчур официальными, по-моему.

Опять же, он *заботился* – не пропустил ни одной родительской конференции, и всегда беспокоился о том, чтобы мы были обеспечены и сделали что-то фантастическое за лето. Он планировал сложные поездки – любовался дикой архитектурой Валенсии, музеями в Гонконге, галереями во Флоренции, египетскими пирамидами. Однако быть отцом для него было не так естественно, как быть художником. Это были Воны мира, с которыми он нашел общий язык.

– О, ничего особенного. Просто сплетничаем. Как ты, папа? – пропела Поппи, вскакивая на ноги и разглаживая пижаму. – Ты, наверное, голоден. Может, мне поставить тебе в микроволновку остатки лазаньи?

Я старалась не смотреть на нее слишком растерянно. Меня интересовало, каково это – отрезать свои чувства ножницами, как сломанную марионетку. Пытаясь быть такой сильной, она ослабила себя. Невыносимо было видеть, как ей больно.

– Было бы здорово, Поппи. Спасибо. Ленни, можно тебя на пару слов? – Он протянул свою огромную, потрескавшуюся ладонь в мою сторону.

Я приняла ее и молча встала.

Это было не похоже на папу – начинать серьезный разговор. Неужели Вон ему что-то сказал? Он что, наступал на

меня? Сказал ему, что я встречалась с парнями? Не то чтобы папе было бы не все равно. Во всяком случае, он бы это поощрял.

Что, черт возьми, это было?

– В студии. – Папа потянул меня за руку, ведя на чердак, где у него была небольшая студия – в дополнение к той, что находилась на нашем заднем дворе, где он хранил некоторые из своих незаконченных работ. На чердаке было более уютно.

Я последовала за ним, ломая голову над тем, что должно было произойти. Мы с отцом всегда болтали во время ужинов и когда смотрели телевизор. Мы говорили о погоде, школе, плотном графике Поппи и его работе. Единственное, о чем мы не говорили, – это обо *мне*.

Даже когда я отдала ему свою последнюю работу для стажировки в прошлом месяце – череп размером с человека, сделанный исключительно из старинных жестяных банок, – я быстро перевела разговор на что-то другое, стараясь не уловить разочарования или скуки, которые он мог испытывать по отношению к моему искусству.

Я ожидала результатов по этому поводу со дня на день, но в форме официального письма. Я знала, что лучше не ждать, что мой отец нарушит правила и сообщит мне эту новость лично.

Мы поднялись по узкой винтовой лестнице на чердак. Белый деревянный пол заскрипел под нашим весом, когда мы

вошли на чердак в форме крыши. Аромат обтесанного камня, холод мраморных и гранитных гигантов и облака пыли не могли скрыть уникальный запах Вона Спенсера, который сразу же заполз мне в ноздри – восхитительный, грозный и полный опасности. Я старалась не обращать на это внимания и на появившуюся дрожь.

Он был здесь сегодня вечером. Я слышала их голоса, доносившиеся сквозь открытое окно на чердаке всего десять минут назад.

«Поосторожнее с зубилом, парень. Не испорти ничего. Это слишком ценно для нас обоих».

«Положи дрель. Медленные удары. Люби этот камень, как человека».

«Давай на этом закончим. Ты сражался с этим куском всю ночь. Ты пока не подстроился под него. Ты как будто на войне».

Вон боролся с камнем, и я не верила, что он представит какой-либо другой проект для стажировки. Это вселило в меня надежду. Может, у меня действительно был шанс. По крайней мере, я вовремя сдала свой материал.

– Сядь, – попросил папа с усталым стоном, указывая на огромный нетронутый камень в углу комнаты.

Я смахнула «Анатомию человека для художников» Элиота Голдфингера с камня и сделала, как мне было сказано, скрестив ноги в лодыжках. Я проигнорировала огромный горизонтальный кусок, накрытый большой белой простыней,

стоявший в углу студии. Я знала, насколько близки отношения художника с его работой. Это было все равно что вынашивать ребенка, зная, что малыш внутри тебя растет с каждым днем – больше клеток, длиннее конечности, более четкие черты лица.

Я также знала, что это работа Вона и я не должна была ее видеть.

– Ты получишь письмо от правления, но я подумал, что это требует более личного разговора. Позволь мне начать с того, что твоя сборка была феноменальной. То, как ты работаешь с жестью, маленькие колесики для глаз, детали – все это было фантастически выполнено. Это вызвало много эмоций у всех нас троих. Твой дядя Гарри назвал тебя гением, и Альма сказала, что твоя работа, безусловно, ее любимая. Я никогда так не гордился тем, что называю тебя своей дочерью.

У меня перехватило дыхание, и я попыталась сдержать улыбку. Это случилось. Я получила стажировку. Я уже решила, что хочу показать в Тейт Модерн. Я все спланировала. Сначала мне следовало сделать набросок, но образ уже был. Он появился в моем сне в ту ночь, когда я укусила Вона.

– Спасибо. Я...

– Ленни, ты же знаешь, что я люблю тебя, не так ли? – протянул папа, внезапно уронив голову на свои огромные раскрытые ладони.

О-о.

– Да. Конечно, – я запнулась.

– Но ты действительно так думаешь? – спросил он сквозь щели своих пальцев, выглядывая сквозь них, как маленький мальчик.

Внезапно я разозлилась на него. Потому что он не маленький мальчик. Он взрослый мужчина. И он выбрал легкий выход, играя на моих эмоциях.

– Ты говоришь так, словно отправляешь меня в школу-интернат на другом конце света. Немного поздно для этого, папа. – Я старалась говорить легким тоном, прочищая горло.

И тут меня осенило. Моя глупая шутка обернулась жестокой реальностью.

Нет. Нет, нет, нет.

Папа убрал руки от лица и уставился в пол. Когда я ничего не сказала, он начал расхаживать по комнате взад-вперед, его руки были сцеплены за спиной. Через несколько секунд он остановился, словно решая, какой курс действий он хочет предпринять, и повернулся ко мне, наклонившись и положив свои тяжелые руки мне на плечи. Он поймал мой пристальный взгляд. Внимательность, с которой он разглядывал мое лицо, почти сбивала с ног.

– Достаточно, – сказал он.

– Конечно, – выдавила я, чувствуя, как стены крошечной студии смыкаются вокруг меня.

Этого не могло произойти. Боже, пожалуйста. Я так много работала. Это было все, чего я когда-либо хотела, – что-

бы мои работы выставлялись в Тейт Модерн. Мне не нравились грязные отношения и полуночные минеты на вечеринках у бассейна для богатеньких детей или баловство с наркотиками, драки и нарушение закона. Мои родители не принадлежали к высшим калифорнийским кругам. У меня не было друзей-футболистов, популярности и всего этого чертова мира у моих ног.

Все, о чем я когда-либо просила, – это стажировка.

– Так и есть. И однажды ты поймешь, что я говорю серьезно, но Ленни... ты не прошла стажировку.

Я закрыла глаза и судорожно вздохнула, не позволяя слезам пролиться. Мне хотелось ему верить. Но если бы я была лучшей, я бы прошла на стажировку. Мы оба это знали.

– Вон Спенсер? – Я услышала, как спрашиваю сама себя. Я не смела дышать. Я знала, что если дернусь или хотя бы пошевелю пальцем, то сойду с ума и разобьюсь, разобьюсь и уничтожу все, что попадет на глаза – опрокину статую, над которой работал Вон, снесу стены и прыгну головой вперед в бассейн, молясь о том, чтобы упасть на дно и умереть.

Я откинулась на спинку стула и позволила Вону сделать это – втереться в доверие к моему отцу прямо здесь, в Тодос-Сантосе. Я впустила его в свое королевство, в свою семью, в свой дом, и каждый божий день наблюдала, как он крад единственную вещь, которая меня волновала, ночь за ночью. Потому что я по глупости думала, что моя работа будет говорить сама за себя, что он не сможет обманом про-

биться вперед.

Я была именно такой наивной маленькой идиоткой, какой он меня видел.

– Да, – подтвердил мой отец за туманом моего красного гнева.

Распахнув глаза, я вскочила с камня.

– Его проект даже не закончен! Он сам мне сказал! – вскипела я.

Никогда я не повышала голоса на своего отца. Или на кого-нибудь еще, если уж на то пошло. Сейчас же мое спокойствие утекало сквозь пальцы, как вода.

Мой отец стоял напротив меня, раскинув руки, как будто сдавался.

– И все же его проект кажется на голову выше остальных, хотя и не наполовину закончен.

– Даже наполовину не закончен?! – дико воскликнула я, скидывая руки в воздух. – Это вообще разрешено? Разве это не противоречит вашим правилам и предписаниям или чему-то в этом роде? Может быть, мне следовало просто подарить тебе сраную банку из-под кетчупа?

Я хваталась за соломинку. Совет Подготовительной школы Карлайл и судьи по стажировке состояли из трех основателей школы – моего отца, его двоюродного брата Гарри Фэрхерста, который был художником, и леди Альмы Эверетт-Ходкинс, бывшей главным куратором музея Гуггенхайма. Если они решили выбрать Вона, я ничего не могла с

этим поделатъ. Я напоминала себе Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами, зная, что они будут продолжать вращаться, сколько бы я ни махала на них своим воображаемым мечом.

– Ленни, это не очень хорошая вещь. – Папа закрыл глаза, его лицо исказилось от боли. – Это удивительно блестящий шедевр, и если бы ты его видела, то согласилась бы.

– Отличная идея. Почему бы тебе не показать мне этот шедевр, законченный на четверть, чтобы я сама его оценила. – Я пнула кусок пластилина, заставив его крутиться по полу, пока он не ударился о стену. – Покажи мне, что такого блестящего в примерной форме скульптуры без малейших деталей. Креветка в матке, без глаз, носа и губ. Покажи мне, насколько он лучше меня.

Мы оба постояли так некоторое время, прежде чем я бросилась к накрытой статуе, намереваясь сорвать с нее простыню и посмотреть сама. Папа схватил меня за руку, как только я дотянулась до нее.

Я откинула голову, горько рассмеявшись.

– Конечно.

– Хватит, Ленора.

– Держу пари, это отстой. Держу пари, ты выбрал его только потому, что он чертов Спенсер. – Я обернулась к нему с улыбкой на лице.

Эмилия ЛеБлан-Спенсер, сама художница, за эти годы вложила много миллионов в Подготовительную школу Кар-

лайл. Очевидно, она беззаветно влюбилась в картины Гарри Фэрхерста и поэтому несколько из них приобрела для своего дома.

Я знала, что это было неразумно. Моему отцу не нравилось бездумное, мстительное поведение. Но мои фильтры, похоже, сошли с ума вместе с моим здравомыслием.

– Ты Асталис. – Его ноздри раздулись, и он ударил кулаком себя по груди. – Моя собственная кровь.

– Очевидно, твоей собственной крови недостаточно. – Я пожалала плечами.

Внезапно я слишком устала, чтобы даже вернуться в свою комнату. Борьба с ним было бесполезно. Ничто больше не имело значения. Вон выиграл последний раунд и выбил меня из гонки. Моей единственной ошибкой было удивление. Я действительно думала, что он не сможет пройти стажировку с незаконченной работой.

Но, конечно, Вон в своем худшем проявлении все равно был успешнее меня в моем лучшем.

Плохой мальчик в искусстве скульптуры. Дитя любви Донателло и Микеланджело, с примесью Дэмиена Херста и Бэнкси²⁵, что отражает его бунтарский характер.

– Ну, если ты меня извинишь, я должна пойти подать заявку примерно на пятьсот стажировок, теперь, когда мои планы на следующие шесть месяцев стали на шесть футов ниже, вместе с моей гордостью. – Я почувствовала горечь этих слов

²⁵ Представители современного искусства.

на своем языке.

Когда я направилась к лестнице, папа схватил меня за руку. Я повернулась, стряхивая ее с себя.

– Оставь меня в покое, – простонала я, не смея моргнуть и дать волю своим предательским слезам.

– Ленни, – взмолился он. – Пожалуйста, выслушай меня. Вы были на равных. Всего было пятьсот двадцать семь претендентов, и, кроме Рафферти Поупа, вы были последними двумя.

Он только делал все еще хуже. Было несправедливо злиться на него за то, что я не прошла стажировку. Но было справедливо злиться, потому что он выбрал кого-то, кто даже не потрудился закончить свою статую. Это та часть, которая причиняет боль больше всего.

– Поняла. Я почти сделала это. Что-нибудь еще?

– Думаю, ты должна быть его ассистентом в течение этих шести месяцев, так как ты не заинтересована в поступлении в университет. Это может увеличить твой список других стажировок. Это была моя идея, и Вон сказал, что будет рад, если ты поможешь ему...

– *Помогу!* – выкрикнула я это слово. – Я не собираюсь ему помогать. Я не собираюсь помогать *ему*. Я не собираюсь работать с ним, *для* него, *под* ним или даже *над* ним. Я не хочу иметь с *ним* ничего общего.

– Сейчас говорит твоя гордость. – Папа потерял бороду, обдумывая мою реакцию. – Я хочу поговорить со своей до-

черью – моей яркой, талантливой дочерью, – а не с ее уязвленным эго. Это прекрасная возможность. Не позволяй ей пропасть даром.

– Я не... – начала я.

– *Пожалуйста.* – Он взял мои руки в свои и сжал их, словно в попытке выжать из меня всю непреклонность.

У нас были одинаковые голубые глаза – темные, большие, выразительные – с одинаковыми золотыми кольцами вокруг них. Все остальное мы с Поппи унаследовали от мамы. Миниатюрную фигурку, светлые волосы и бледную, с веснушками, кожу.

– Это может открыть для тебя так много дверей, работая помощником стажера в Подготовительной школе Карлайл. Это солидная, оплачиваемая работа. Вы сможете работать вместе со мной, Гарри, Альмой и многими другими великими художниками. Вы получите зарплату, комнату с чертежным столом и всем оборудованием, а также фантастическое начало вашего портфолио. Я тоже когда-то учился в средней школе, Ленора. Хочешь – верь, хочешь – нет, но я знаю, что такие парни, как Вон, могут стараться.

– Восхождение на вулкан – это попытка, – вставила я. – Работать бок о бок с Воном Спенсером совершенно невозможно.

– Да, и все же. Ты бы отказалась от этой стажировки ради парня, которого встретила и в которого влюбилась здесь, в Америке?

Я в шоке уставилась на него. Во-первых, он чертовски хорошо знал, что я не в том настроении, чтобы влюбляться. Я очень громко заявляла об этом с тех пор, как умерла мама, так как видела отца, состояние которого эмоционально ухудшилось до такой степени, что теперь он был только наполовину человеком. Во-вторых, я бы никогда не упустила такую возможность из-за парня.

– Конечно, нет.

– Тогда почему ты отказываешься от должности, которая может помочь твоей карьере и готова разрушить ее, ради мальчишки, которого ты *возненавидела*? – Он щелкнул зубами, на его лице появилась торжествующая улыбка.

Черт. Он оказался прав.

Он был прав, и мне хотелось бы воспользоваться преимуществами его аргументов и засунуть их в задницу Вона.

Работа ассистента была ударом по моему самолюбию, но все же победой в целом. Еще полгода глупых игр разума Вона меня не убьют. Несмотря на всю свою игру во власть, Вон никогда не причинял мне физической боли.

Во всяком случае, пока.

В Англии, однако, он был бы никем, как и я. Нет, хуже, чем я. Потому что у меня все еще был престиж почти выпускницы Карлайла – я училась последний год в средней школе в Калифорнии – и мой отец владел этой чертовой школой.

К тому же Поуп будет там работать рядом со мной. Позоря

так называемую гениальную работу Вона.

Правила были бы другими.

Я бы боролась с ним сильнее.

Он всего лишь мальчик.

Не бог, а мальчик.

И я уже не та девочка, которая дрожит под одеялом своей матери.

Я заставила его истекать кровью, это и произошло, ведь он всего лишь человек.

Теперь. Теперь я могу заставить его сломаться.

– Я подумаю об этом. – Я помассировала виски. Мысли о сестре совершенно вылетели из головы, а она, вероятно, внизу наполняла новое ведро слезами. Я эгоистично сосредоточилась на своей собственной драме и совсем забыла о ее разбитом сердце.

– Это все, о чем я прошу. – Папа сжал мои плечи.

Я пошла прямо в комнату Поппи, но ее там не было. Я остановилась, услышав, как они с папой болтают и едят на кухне. Это звучало как приятная беседа о колледже, в который она подала заявление и поступила, будучи еще дома, – Лондонской школе экономики. Она казалась взволнованной и исполненной надежды. Я просто хотела, чтобы она не притворялась, а была действительно счастлива.

Схватив полароидную фотографию Найта с ее тумбочки, я взяла маркер и быстро нарисовала мошонку с морщинами и волосами на его точеном с ямочкой подбородке, добавила

замысловатые усы и подрисовала ему монобровь, написав на фотографии под его лицом:

«Держись подальше от обогревателя, Коул. Пластик плавится».

Я сунула фото ей под подушку и пошла в свою комнату, медленно приближаясь к окну, планируя закрыть ставни и свернуться калачиком в постели с песней «I Started Something I Couldn't Finish» в наушниках и интересным фэн-тези. А потом я заметила грузовик Вона, припаркованный перед окном.

Что он все еще здесь делает?

Он дважды мигнул фарами, заставив меня прищуриться и поднять руку, чтобы заслониться от света. Чувствуя, как прилив гнева возвращается в мой желудок, я натянула ботинки и побежала вниз, распахнув входную дверь, собираясь поздравить его со стажировкой, плюнув ему в лицо. Я так и не переступила порог.

Я проехала по чему-то скользкому и протухшему. Воняло так, будто всеми подмышками в округе сразу, но у меня не осталось возможности подумать об этом, когда я нырнула головой вперед прямо в белый пластиковый пакет.

Он оставил у моей двери гнилую кучу мусора, и я упала прямо в нее. Свалившись на мешок с мусором, я сняла желтый листочек для записей со своей щеки и нахмурилась, когда прочитала послание на нем.

«Для твоего будущего проекта. – В.»

Это было все, что мне нужно, чтобы превратить жизнь Вона в ад, в который он превратил мою.

Он думал, что выиграл войну.

Но стажировка была всего лишь битвой.

Он поднимет белый флаг.

Прямо перед тем, как я сожгу его.

Глава 5

Вон

Самый тихий человек в комнате и одновременно самый опасный.

Я научился этому с юных лет, наблюдая за своим отцом. Люди толпились вокруг него, как бездомные щенки, хлопая языками, стремясь угодить. Я тоже стал немногословным человеком. Это не гребаный вызов, если можно так выразиться. Слова ничего для меня не значили. У них не было ни

формы, ни веса, ни цены. Вы не могли бы вылепить их в своих руках, измерить на весах, приложить к ним стамеску, вырезать их до совершенства. В моем списке способов самовыражения скульптура была номером один, минет номером два, а разговоры удобно расположились где-то внизу между дымовыми сигналами и танцами для вызова дождя.

Мой отец не был силен в словах, нет, но его действия говорили о многом. Он сокрушил своих деловых противников железным кулаком, не моргнув глазом и не забеспокоившись.

Он миллион раз *показывал* моей матери, что любит ее, посадив на заднем дворе розовый сад с цветущей вишней.

Вытатуировав ее имя на своем сердце.

Уставившись на нее взглядом, который говорил: «*Я твой*».

Чем меньше ты говорил, тем больше тебя боялись. Самый простой трюк в книге, и все же по какой-то причине мужчины были одержимы желанием что-то сказать.

Мне нечего было доказывать.

Я показал Эдгару Асталису работу, которая была выполнена примерно на двадцать процентов, представил ее совету директоров Карлайла и прошел стажировку, не вспотев.

Это было до неловкости легко. Так трогательно. Да, я манипулировал. Особенно Эдгаром и Гарри, который был мне должен солидную сумму. И да, если Ленора когда-нибудь узнает, она убьет меня, своего отца и дядю.

С другой стороны, я бы опередил ее в этом, как и в случае со стажировкой.

Все члены правления согласились, что мне понадобится целых шесть месяцев стажировки, чтобы завершить что-то столь сложное, как эта скульптура.

У меня было время.

У меня имелся план.

Я был готов привести все в движение и, наконец, насладиться сладким, острым вкусом свежей крови.

И, похоже, у меня также будет упрямый, дерзкий помощник, который будет терпеть меня – тот, за кем я смогу приглядывать, чтобы убедиться, что мой секрет цел.

Дразнить ее кучей мусора было не самым лучшим моим решением, но сообщение попало в цель.

Милосердия в меню не было.

Она бы боролась за свое место рядом со мной. Всегда.

После того как Эдгар сообщил новость своей маленькой дочери, я объехал ее квартал, прокручивая диски, которые бессовестно взял из ее комнаты, когда ее там не было – Kinky Machine, The Stone Roses.

Пару часов спустя я припарковал свой разбитый грузовик рядом со своим мотоциклом – оба куплены на мои собственные деньги после летних напряженных работ в галереях – и заметил оранжевое сияние камина в нашей гостиной через окна от пола до потолка. Я провел рукой по своим пыльным волосам и выругался себе под нос.

У нас была компания.

Я *ненавидел* компанию.

Шагая ко входу, я увидел тень, слоняющуюся среди розовых кустов. Листья танцевали над выжженной солнцем землей. Я присел на корточки и тихо присвистнул.

Эмпедокл вышел из розовых кустов, выпячивая свою задницу в мою сторону, как Кардашьян. Я назвал своего слепого черного кота в честь греческого философа, который открыл, что мир – это сфера. Этот кот, как и философ, считал себя Богом. У него было невероятное чувство собственного достоинства, и он требовал, чтобы его гладили по крайней мере час в день – желание, которое по непонятной мне причине я исполнял.

Это был, безусловно, самый человеческий поступок в моей жизни, когда я буквально гладил киску. Эмп прошмыгнул мимо моего грязного ботинка. Я поднял его, потирая место за ухом. Он замурлыкал, как трактор.

– Ты уверен, что это хорошая идея для твоей слепой задницы бродить снаружи? В этих холмах полно койотов. – Я вошел в дом с ним на руках. Пинком распахнув дверь, я услышала сладкий смех моей матери, глубокий смешок моего отца и грубый мужской голос с английским акцентом, который я сразу узнал.

Ядовитая улыбка расплылась на моих губах.

Время рок-н-ролла, ублюдок.

Звенели стаканы, громоздилась посуда, из столовой доно-

силась тихая классическая музыка. Я оставил Эмпа на кухне, наполнил его миску влажным кормом и направился в столовую, мои ботинки глухо стучали по мраморному полу. Когда я появился в дверях, все перестали есть. Гарри первым промокнул уголок рта салфеткой.

Он встал, раскинув руки со своей сраной ухмылочкой.

– Я считаю, что мои поздравления уместны для моего любимого вундеркинда. – Он слегка поклонился мне.

Ничего не выражая, я вошел в комнату, сокращая расстояние между нами. Он попытался обнять меня, но я скользнул своей ладонью в его ладонь и сжал ее достаточно сильно, чтобы услышать, как хрустнули его тонкие кости.

Он вынул свою ладонь из моей и слегка помассировал ее.

Мама и папа встали. Я поцеловал маму в лоб. Папа хлопнул меня по спине.

– Гарри был в городе, навещал Эдгара и племянниц, – объяснила мама. – Я подумала, что было бы неплохо пригласить его на ужин. Я только что купила у него еще одну вещь. Я планирую поставить ее прямо перед твоей комнатой. Разве это не волнующе? – Она повернулась к нему и улыбнулась.

– Я, на хрен, с трудом сдерживаюсь, – сухо сказал я.

Считающийся сегодня самым признанным критиками художником-экспрессионистом в современном искусстве, Гарри Фэрхерст обычно продавал свои картины по 1,2 миллиона долларов за штуку. Неплохая подработка, учитывая его никчемную дневную работу в качестве члена правления и

профессора в Подготовительной школе Карлайл. Мама, конечно, повесила бы все, что он сделал, включая его дерьмо, чтобы все могли посмотреть и полюбоваться. Его картины были разбросаны по всему нашему дому: прихожая, спальня моих родителей, столовая, две гостиные и даже подвал. Она также подарила некоторые из его картин.

Я не мог сбежать от этого ублюдка, независимо от континента. Его искусство преследовало меня.

– Это захватывающая картина, Вон. Я не могу дождаться, когда ты увидишь ее. – Гарри проявил скромность и смирение новоиспеченного рэпера. Если бы он мог физически отсосать свой собственный член, его рот всегда был бы полон.

– Это именно то, что нужно нашему дому. Еще картины Гарри Фэрхерста – о, и комнаты. – Я зевнул, проверяя время на своем телефоне. У нас было восемнадцать комнат. Занято было меньше половины. Эмп слонялся у моих ног, бросая на Гарри невидящий взгляд. Я снова поднял его, почесывая шею.

– Я иду в душ.

– Ты уже поел? Я подумала, что ты захочешь присоединиться к нам в гостиной и выпить немного портвейна? – Мама склонила голову набок и улыбнулась, каждая черточка на ее лице была полна надежды. – Только один бокал, ты ведь знаешь.

Я любил своих мать и отца.

Они были хорошими родителями. Они были в курсе все-

го, вдобавок ко всему прочему, и полностью поддерживали меня во всем, что я делал или к чему стремился. Моя мать даже не возражала против того, что я ненормальный. Она восприняла это спокойно, вероятно, потому, что привыкла к моему отцу, самому лорду МакКантсону.

У нас с папой было много общего.

Мы оба ненавидели этот мир.

Мы оба смотрели на жизнь сквозь затонированные смертью очки.

Но иногда мы притворялись другими, ради нее. Например, прямо сейчас я знал, что мой отец предпочел бы проткнуть собственную промежность ножницами, чем развлекать яркого, эгоцентричного Фэрхерста. Любовь заставляла тебя делать всякую хрень.

Я был рад, что никогда ею не заражусь.

– *Один* бокал, – подчеркнул я.

Папа снова хлопнул меня по спине, как бы говоря «спасибо», и мы все устроились у камина, притворяясь, что это не гребаная Калифорния и что это просто глупо – поджигать все, что не является сигаретой или шкафчиками Элис и Арабеллы, оскорбляющими сетчатку глаза. Гарри откинулся на спинку стула и прижал кончики пальцев друг к другу, уставившись на меня, оранжевое сияние пламени освещало его лицо, как полумесяц.

Наполовину ангел, наполовину дьявол.

По большей части дьявол, как и весь остальной мир.

С зачесанными назад волосами песочного цвета, высоким ростом и худощавым телосложением, он был похож на придурка-продавца – такого человека, которому вы не доверили бы рулон туалетной бумаги. Я смотрел на огонь, не обращая внимания на Грэхэма, нашего слугу, который вошел с серебряным подносом и подал каждому из нас портвейн.

– Спасибо, Грэхэм. Пожалуйста, отдохни остаток ночи. Я сама помою посуду. – Мама с теплой улыбкой сжала его руку.

Всегда так вежливо благодарит за помощь.

Между нами повисло неловкое молчание. Я поднес портвейн к губам, но пить не стал.

– Как тебе одинокая жизнь, Гарри? – Мама разрядила напряженность светской беседой.

Три года назад он женился на хорватском манекенщике, но брак пошел прахом после того, как тот изменил Гарри, забрал половину его имущества и сбежал со звездой подтанцовки у какой-то поп-звезды.

Гарри резко повернул голову в сторону мамы.

– О, знаешь. Играю на поле.

– Надеюсь, на этот раз с брачным контрактом в целости и сохранности, – пробормотал я.

Папа фыркнул. Мы обменялись усмешками вполголоса.

– Вон. – Мама усмехнулась.

– Ты не должна была этого слышать.

– Ты не должен был этого *говорить*.

Папа перестал проявлять какой-либо интерес к разговору

и начал открыто отвечать на электронные письма на своем телефоне.

Гарри постучал пальцем по колену и поиграл галстуком.

– Ленора опустошена тем, что не прошла стажировку.

Я ухмыльнулся в свой бокал. Удивительно, как она до сих пор не поняла – почему она не прошла, в отличие от меня. Она не казалась мне совершенно глупой. Возможно, немного медлительной.

И очень раздражающей.

– Я услышал это от ее отца прямо перед приездом. Он просто раздавлен. Очень надеюсь, что она согласится стать твоей ассистенткой, – продолжил Гарри.

Мои глаза метнулись вверх.

– Было бы глупостью, если бы она не сделала этого, – выпалил я первые настоящие слова, адресованные именно ему.

Его грудь заметно дрогнула под накрахмаленной, светло-голубой рубашкой. Он выдохнул с облегчением, как будто ждал от меня какого-то участия, чтобы доказать родителям, что мы в хороших отношениях.

– Она гордая девушка.

– Гордость всего лишь синоним *глупости*. Она оставляет место для ошибок, – возразил я.

– Мы все совершаем ошибки, – сказал он.

Я вежливо улыбнулся.

– Говори за себя.

Наступила тишина, прежде чем он продолжил.

– Она считала, что заслужила это место. И, по мнению Альмы, так оно и было. – Фэрхерст откинулся на спинку кресла и уставился на меня.

Он пытался вывести меня из себя? Наедине, и только себе самому, я мог признаться, что Ленора на самом деле не была совсем уж бездарной. Ее искусство было немного сумасшедшим, что, очевидно, говорило о моей неуравновешенности. Множество черепов, монстров, драконов, младенцев, ползающих на паучьих лапках, и мертвых лошадей создали ее маленькие руки. Ее разум был увлекательным местом, если не учитывать одну вещь, которую она там хранила – особое воспоминание обо мне, – которое я хотел стереть.

– Кого, твою мать, это волнует? Вы с Эдгаром не согласились. – Я зевнул.

И у Эдгара, и у Гарри была причина отдать меня на стажировку. Это не имело ничего общего с моим невероятным талантом.

В каком-то смысле я жалел Ленору. У нее не было недостатка в таланте, навыках или дисциплине. Чего ей не хватало, так это смелости, лжи и хитрого ума.

– Правильно. – Гарри потер подбородок. Он бы выбрал ее, если бы мог.

И Эдгар тоже.

– Обсуждать, кто *не прошел* стажировку, и рассказывать о ее реакции на своего оппонента – пустая трата времени и манер, – многозначительно сказал мой отец, скрестив ноги в

своём имперском кресле и отложив телефон в сторону.

– Простите. Должно быть, это прозвучало неуместно. Лейнора – моя племянница, и она мне очень дорога. – Гарри посмотрел на моего отца.

– Сырое мясо. Не стоит бросать его в сторону мальчика и ожидать, что он не полакомится им.

– Я не мальчик, – огрызнулся я.

– Тогда перестань вести себя как ребенок, – невозмутимо произнес мой отец.

Я знал, в чем дело. Вечеринки. Минет. Последствия.

Это были просто разговоры, а я думал, что на меня направили пушку и сейчас выстрелят.

– Моя жизнь тебя не касается. – Я почувствовал, как мои ноздри раздуваются, а ногти скребут по креслу.

– Что за бессмысленные слова. Ты мой сын. Твоя жизнь только мое дело. – Голос отца звучал равнодушно и беспристрастно.

Мама похлопала папу по руке.

– Пора сбавить тон.

Он взял ее руку и поцеловал тыльную сторону, оставляя эту тему.

Мы развлекали Гарри еще двадцать минут, пока он не свалил. Ему хотелось, чтобы я проводил его до двери вместе с матерью, но у меня были другие планы, например, такие, как выковырять миндалины из своего горла кухонным ножом. Уже достаточно того, что мне придется терпеть его ря-

дом с собой в течение шести месяцев.

Через несколько минут после того, как за Фэрхерстом закрылась дверь, мама появилась у дверей моей спальни, прислонилась к косяку и по-особенному посмотрела на меня. Хотя я жил в экзистенциальном вакууме и рассматривал рот девушки как бесплатное парковочное место для моего члена, мама наверняка знала, как смягчить меня одним лишь взглядом.

Я был рад, что ни одна девушка никогда не сравнится с ней. Это упрощало жизнь.

– Сделай фото. Это продлится дольше.

Фэрхерст привел меня в паршивое настроение. Я не был уверен, было ли дело в самом его существовании, или в том факте, что он сказал, что Ленора может не согласиться на роль помощника стажера, возможно, и то, и другое. Я лежал на своей кровати, уставившись в потолок, удивляясь, почему украл старые компакт-диски, которые увидел на ее столе однажды вечером, когда ее не было дома, а Эдгар находился в душе.

Только я *знал* почему. Они были прямо там, будто, мать вашу, просили себя взять.

Blur. The Stone Roses. The Cure. Joy Division.

Мой грузовик был старше королевы, и в нем был проигрыватель компакт-дисков. Это имело смысл. К тому же это служило Леноре оправданием за то, что она была чудачкой, которая все еще пользовалась плеером.

Я просто не считал ее вкус отвратительным, и это меня беспокоило. Я также скачал все фильмы из ее iPad: «Зомби по имени Шон», «Заводной апельсин», «Монти Пайтон и Священный Грааль» и, к сожалению, «Искупление», которое оказалось таким девчачьим фильмом, что даже Кира Найтли, прижатая к книжным полкам²⁶, не смогла спасти его для меня.

Но то, что ее вкус не был ужасным, не означало, что все остальное в ней было терпимым.

– Ты вел себя там странно. – Мама оттолкнулась от дверного косяка и вошла внутрь, присев на край моей кровати. Я снял армейские ботинки, схватил бутылку воды с прикроватной тумбочки и запихнул ее в рот.

– Новость, мама, я самый странный засранец на свете.

– Вообще-то, второй. – Она сморщила нос в улыбке, напоминая мне, что папа занимал первое место. – Так в чем же дело? Тебе не нравится Фэрхерст? Я думала, вы всегда ладили.

Я почувствовал, как у меня дернулся мускул на челюсти, но улыбнулся, чтобы унять его. Та картина, которую она повесила перед моей комнатой в рекордно короткие сроки – даже не через несколько часов после того, как она ее купила, – вызвала у меня желание сжечь этот чертов дом дотла.

– Что в нем может не нравиться? Он прекрасный худож-

²⁶ Сцена у книжных полок из фильма «Искупление» (2007 г.) в исполнении Киры Найтли и Джеймса МакЭвоя.

ник и сукин сын с хорошими связями. Не могу дожидаться его мнения о моей работе.

– О чем твоя работа? – спросила она.

Я покачал головой. Она была довольно хороша для мамы, но делиться было не в моих правилах.

– Хорошая попытка.

– Ты очень непрост для своего же блага. – Она вздохнула.

– Легко, когда тебя окружают подростки и недалекие качки.

Она всмотрелась в мое лицо, пытаясь понять меня, прежде чем кивнуть и добавить что-то о том, как она договорилась, чтобы мою работу отправили из дома Эдгара в Англию в следующем месяце и я мог продолжить там трудиться над ней.

Они заслуживали большего, чем такой неблагодарный и угрюмый ублюдок, как я.

Две вещи, которые мужчина не может выбрать, определяют его: семья и рост.

Мы с мамой поговорили о магазине, в основном о ее галерее, и только когда она была полностью уверена, что я счастлив (насколько может быть таким засранец, как я), она наконец удалилась в свою спальню.

– Закрой за собой дверь, – потребовал я излишне резко.

Она так и сделала, качая головой и улыбаясь моим выходкам. Ничто так не обезоруживает придурка, как человек, который не воспринимает его всерьез.

– Сладких снов, любовь моя.

– Неважно.

– Люблю тебя.

Я посмотрел в другую сторону. *Опять эта ерунда.*

– И я тебя.

Я слышал, как ее смех разносится по коридору, завешенному дурацкими картинками.

Не находя себе места, я взял телефон и пролистал свои текстовые сообщения.

Найт: Сегодня у меня разговор с Луной. Пожелай мне удачи.

Удачи в попытках вернуть свое мужское достоинство, ты, чувствительный мешок без яиц.

Стейси: Ты не спишь?;)

Не для тебя, Стейси, ты унижаешь шлюх и издеваешься над геями, ты Барби, сидящая на диете, и твоя единственная особенность в том, что родители у тебя настолько неграмотны, что облажались с твоим именем.

Хангер: По шкале от одного до десяти, когда один – это зевок, почему мы даже обсуждаем это, и десять – это я, твою мать, окуну тебя в холодный огонь, а потом скормлю своей слепой кошке, как сильно бы ты разозлился, если бы я сказал тебе, что назвал твое имя²⁷, чтобы трахнуть близняшек Ленке? (P.S. Если это

²⁷ Практика постоянного использования имен важных людей, названий

имеет значение.)

Минус тринадцать, и их зовут Лемке. По крайней мере, так было написано на их одинаковых татуировках на пояснице, когда они одновременно лизали мне яйца. (P.S. Это не так.)

Арабелла: Ты не спишь?

Нет, идиотка. Я сплю в семь вечера, когда ты отправила мне это сообщение. Мне стукнуло восемьдесят.

Элис: Тааак, теперь официально. Мы с Джейсоном расстались. Выпьешь у меня?

Только если это отравы, и выпьешь ее ты.

Я понятия не имел, что натолкнуло меня на мысль, что я найду сообщение от Леноры. Мы никогда не обменивались номерами телефонов.

Или словами.

Или гребаными взглядами, если уж на то пошло.

Мы были не совсем в хороших отношениях. Но опять же, это не походило на нее – не сопротивляться, когда я толкал ее. И на этот раз я вытолкнул ее из этого долбаного мира в другой часовой пояс. Почему она молчит?

Ты задумала что-то плохое, Хорошая Девочка?

Я бросил телефон на тумбочку и крепко зажмурился. Моя комната была моим царством. Все черное, ни капли цвета,

за исключением редких белых или серых пятен, и все же я чувствовал себя запертым внутри. Меня интересовало, изменится ли это, когда я перееду в Англию.

Один негатив, придурак.

Я всегда чувствовал себя в ловушке. Даже в дикой природе.

Я объездил весь земной шар, проводя все лето во Франции, Италии, Австралии, Великобритании и Испании. И мои проклятые демоны всегда следовали за мной, будто были прикованы к моей лодыжке, их кандалы шумели у меня в ушах.

Но этим летом я собирался с ними расправиться.

Я даже знал, каким оружием разорву связь между нами.

Мечом, который выкую с нуля.

Глава 6

Ленора

В следующие выходные Поппи потащила меня на одну из вечеринок Арабеллы у бассейна.

Появление без приглашения было моим представлением об аде. Но Поппи использовала самый дешевый трюк в книге: оправдание разбитого сердца. Правда, Найта там не будет – у него были семейные дела, о которых нужно было позаботиться, – но она не хотела сталкиваться с Арабеллой, Элис,

Стейси и оставались одни.

Поэтому я последовала за ней, молясь всю дорогу, чтобы Вон не появился и не использовал свой член в качестве трюка на вечеринке. Я устала бороться с ним, стрелять в него подлыми ответными ударами, стоять на своем.

О, и еще, я как бы отомстила, вылив суперклей в его шкафчик. Это было по-детски и глупо, но в мою защиту следующие факты:

1. Он первый начал это, используя настоящий мусор.
2. Не так много вещей в мире заставляют меня улыбаться, как наблюдение за Воном Спенсером, который пытается отклеить книгу по химии со дна своего шкафчика, прежде чем оставить вмятину в соседнем шкафчике злобным пинком.

Мы вошли в испанскую виллу Арабеллы, расположенную в закрытом сообществе Эльдорадо, уже одетые в наши купальники. Поппи выбрала кораллово-розовое бикини под своим белым пляжным платьем, в то время как я была в черном цельнокроеном платье с заклепками и рваных джинсовых шортах.

«You're So Last Summer» группы Taking Back Sunday звучала из музыкальной системы объемного звучания. Люди прыгали в бассейн олимпийского размера и делали снимки в бикини. Арабелла, Элис, Стейси и парень по имени Сорен сидели в кругу снаружи, попивая розовое шампанское из разноцветных ведерок.

Арабелла усмехнулась, как только подняла глаза и увиде-

ла меня.

– Я думала, что такие, как ты, могут входить только по приглашению? – Она выгнула тщательно прорисованную бровь, сравнивая меня с вампиром²⁸.

– Это всего лишь слухи. На самом деле мы вполне можем ворваться в ваш дом без предупреждения и выпить вашу кровь, как будто это счастливый час. – Я налила себе в одно из ведер, делая вид, что делаю глоток. Я была не настолько глупа, чтобы на самом деле пить их алкоголь.

– Тогда все, на что мы можем надеяться, это на то, что ты сгоришь под солнцем. Не похоже, что кто-то будет скучать по тебе. – Арабелла захлопала ресницами, разворачивая Эскимо и начиная сосать его с энтузиазмом порнозвезды.

Это вызвало смешок у всех вокруг.

Я прикусила язык. Ведь не могла же я отвесить ей комплимент по поводу ее литературных знаний о вампирах, которые она, вероятно, почерпнула из «Сумерек» (фильма, а не, боже упаси, книги) и только потому, что Роберт Паттинсон был, типа, «*чертовски сексуальным*». Вообще-то это был ее дом.

– Будь милой. – Поппи вздохнула, глядя на Арабеллу, плюхнувшуюся в шезлонг рядом с ними.

– Извини, детка, но ты не можешь указывать нам, что делать теперь, когда Найт Коул больше не спит с тобой. – Элис

²⁸ Согласно легендам, вампиры могут войти в любой дом, принадлежащий людям, только если они приглашены владельцем дома.

начала заплетать волосы Поппи, в то время как Сорен проверил щедрую стойку моей сестры.

Я устроилась поудобнее на краю шезлонга рядом с сестрой, блокируя сплетни о команде поддержки и переписываясь с Поупом.

Ленни: На вечеринке у бассейна с Поппи, и я ненавижу все в этом месте. До моего возвращения осталось всего пара месяцев.

Поуп: Скучаю по тебе.

Ленни: Я буду в плохом настроении, когда стану работать на Вона Спенсера. Он привнес новую степень дебилизма в слово «дебил».

Поуп: То есть... по сути, он и есть дебил?

Ленни: Именно. Ты всегда меня понимаешь, Рафф.

Поуп: Я не позволю ему относиться к тебе, как придурок, пока я рядом. А теперь, пожалуйста, скажи мне, что на вечеринке есть символическая злодейка-чирлидерша и по крайней мере две ее пустоголовые подружки-шестерки, плюс тупица-здоровяк, который постоянно шатается с ними.

Я подняла глаза и мельком увидела Арабеллу, кричащую на Элис и Стейси за то, что они заслонили солнце, в то время как Сорен смотрел на них всех, высунув язык из своей собачьей пасти.

Ленни: Да. А я – неуклюжая девушка, которую они сравнивают с вампиром.

Поуп: Не могу дождаться, когда Фредди Принц-

младший наконец-то заметит, что под очками и неловкостью ты вся такая замечательная²⁹.

Поуп: Он унесет тебя в закат.

Поуп: Целомудренно поцелует тебя в губы в стиле PG-13³⁰.

Поуп: Иногда, когда ты открываешься людям, ты выпускаешь плохое вместе с хорошим.

Я закатила глаза, чувствуя, как глупая ухмылка растягивается на моих губах.

Ленни: Мне кажется, что это настоящая цитата из фильма.

Поуп: Не возмущайся. Мне понадобилось три секунды, чтобы погуглить это.

Ленни: Превращение в гота было ошибкой. Следовало записаться в группу поддержки.

Поуп: Ты не танцующая марионетка, Ленора Асталис. Ты талантливый художник-новатор, и в жопу этих фальшивок.

Мимо с важным видом прошествовала компания парней. Они остановились и отсалютовали Элис и Арабелле, их кулаки сжались вокруг банок с «Бад Лайт».

– Америка без своих солдат была бы подобна Богу без его

²⁹ Поуп намекает на романтическую молодежную комедию «Это все она» (1999 г.).

³⁰ Принятая в США система оценки содержания фильма, введенная Американской киноассоциацией. В данном случае подразумевается, что просмотр не предназначен детям до 13 лет.

ангелов. Мы приветствуем вас, ветераны, за ваш неоценимый вклад в наше общество.

Какого черта?

Должно быть, замешательство отразилось на моем лице, потому что Арабелла бросила свои темные волосы через плечо и нахмурилась.

– Твоя сестра даже не знает, в чем дело. Господи, Поппи, неужели она может быть хоть немного не в себе?

Поппи повернулась ко мне, приподняв плечо.

– Существует система. Каждый раз, когда девушка в Школе Всех Святых встречается с семьей парнями или больше из любой спортивной команды, она получает статус ветерана. Ветеранам отдают честь на вечеринках. Они также получают бесплатную выпивку и права на новых парней.

– Это буквально самая глупая вещь в мире, – сказала я, пытаюсь оправиться от количества глупостей, втиснутых в объяснение из одного абзаца.

– Ты когда-нибудь смотрелась в зеркало? – Сорен невозможно приподнял свои солнцезащитные очки и окинул меня унизительным взглядом.

– Вампиров нельзя видеть в зеркале, идиот. – Я постучала по приложению Kindle на своем телефоне, готовясь читать. – Но прежде чем ты испортишь мне все, я знаю. Выгляжу я как нечто среднее между Дружиллой из «Баффи – истребительница вампиров», Эдварда Каллена и бутылкой смазки. Очень смешно.

День пролетел незаметно. Никто не обращал на меня внимания, но это означало, что девочки не были активными хулиганками. Я пила пиво из бутылки, которую открыла сама и читала книгу. В промежутках я предоставляла Поупу прямую трансляцию происходящего. Мне хотелось бы видеть в нем подходящего парня, но после того, как мы выросли вместе, он больше чувствовал себя сводным братом. Когда вечеринка начала затихать, большинство людей удалились в гостиную Арабеллы. (Ее родители были в таинственном отпуске в Европе, а ее сестра, по слухам, в основном жила в доме своей няни.)

Арабелла заказала пиццу, и все задремали на диванах и полах, загорелые и пьяные. Я осталась снаружи и наслаждалась бризом, наблюдая, как солнце опускается за океан, как неуловимая соблазнительница, дразнящая своего возлюбленного.

Я сидела на краю качелей, скрытых пальмами, подальше от бассейна, когда услышала позади себя тихие голоса.

– ...посторонний. Ты действительно думала, что сможешь встретиться с Найтом Коулом практически без последствий? У него никогда не было девушки. А потом появилась ты и просто забрала его. Ты думаешь, люди не разговаривают? Что они не ненавидят тебя за это? – невнятно обвинила Элис гнусавым голосом. Слова тянулись, вертелись у нее во рту. – Знаешь, Арабелла почти переспала с ним перед выпускным классом. На домашней вечеринке Вона. Ты разрушила ее

прогресс.

Прогресс? Господи. Как феминистке, услышав это слово из уст Элис, мне захотелось влечь ей пощечину судебным иском.

– Я... я... – заикаясь, пробормотала моя сестра за пальмами.

Поппи тоже успела немного выпить. Я не придиралась к ней по этому поводу, потому что была здесь, чтобы присматривать за ней, и я поняла, что ей нужно расслабиться после нескольких паршивых недель, которые у нее были.

– Я не знала, что существуют коды и тому подобное. Он был здоровым и одиноким, поэтому я пошла за ним. Я никогда не думала, что это кого-то обидит. – Ее голос звучал слабо, он был извиняющимся.

Я почувствовала, как мои ноздри раздуваются, но я не сдвинулась со своего укромного места на качелях.

Сопrotивляйся, Поппи.

– Что ж, ты сделала это. Боже, ты почти так же глупа, как твоя уродливая сестра. – Арабелла усмехнулась. – Расплата – это стерва, девочка.

– Расплата? – пробормотала Поппи, ее голос сразу стал серьезным. – О чем ты говоришь?

– Мы знаем, что у твоей сестры что-то происходит с Вонном Спенсером.

Я практически могла представить себе неодобрительный взгляд на лице Арабеллы.

– Позвони ей сейчас и заставь ее рассказать нам, в чем дело. Они спят, что ли?

– *Что?* – Поппи фыркнула. – Ты вообще знакома с моей сестрой? Ты не можешь заставить ее ничего сделать, тем более говорить о Спенсере.

– *Заставь* ее, – сказал Сорен с угрозой в голосе.

– Нет! Я не сделаю ничего подобного. Она сама по себе. И к тому же чертовски упрямая.

– О, ты сделаешь это, – убежденно прошептала Арабелла. – Если только ты не хочешь, чтобы тебя наказали. Видишь ли, в этом городе существует иерархия. В любом месте, на самом деле. Даже в твоём маленьком сером королевстве, верно? И здесь мы с Элис имеем право по рождению на Найта и Вона. Мы ходили с ними в детский сад. Сейчас Найт выбыл из гонки. Он у Луны Рексрот, и, честно говоря, он слишком далеко зашел для нее, так что нет особого смысла прилагать усилия. Но Вон все еще честная игра, а вы с сестрой новички. Ты облажалась, и теперь ты *заплатишь*.

Поппи ничего не сказала.

– Мы обещаем не трогать твою сестру-неженку, если она скажет нам, спит она с Воном или нет.

Я бы с радостью призналась любому другому, что переспала бы с ежом, прежде чем прикоснуться к Вону Спенсеру. К сожалению, я не хотела доставлять им удовольствие и раскрывать правду. Им явно не терпелось это услышать, но, оказывается, я тоже была довольно мстительной.

– Нет, – сказала Поппи с убежденностью, которая наполнила мое сердце радостью. Моя сестра не была безупречной, но она была предана мне. – Ты не будешь шутить с моей сестрой. Я этого не допущу.

– Так, так, так, – протянул Сорен, в его голосе плясало веселье. – Если у нас не будет твоей маленькой комнатной собачки, чтобы развлекать нас, я думаю, что *ты* останешься главным шоу.

Я услышала громкий всплеск и шипение пузырьков, всплывающих над водой. Вскочив с качелей, я обогнула пальмы и побежала к бассейну. Я нашла Сорена, присевшего на корточки у края, держащего голову Поппи под водой. Ее руки дико взметнулись, пытаясь вцепиться в его руку. Ей отчаянно не хватало воздуха.

Я собиралась убить его. В этом я была уверена.

Сорен рывком поднял Поппи за волосы. Она ахнула, вода стекала по ее посиневшему лицу.

– Она спит с Воном? – Арабелла зарычала в ухо моей сестре, оскалив зубы.

– Ешь дерьмо! – закричала Поппи.

Арабелла слегка кивнула Сорену. Он сунул голову Поппи обратно в бассейн. Пузырьки собрались вокруг головы моей сестры, как корона.

– Может, это освежит ее память, – промурлыкала Арабелла, присаживаясь на бортик бассейна и лениво заплетая свои длинные темные волосы. Я схватила телескопический шест,

подошла к Сорену сзади и метнула шест ему в голову, как меч. Он повалился на траву, как игрушечный солдатик. Из зеленых травинок раздался его вопль.

– Черт возьми. На этот раз сумасшедшая сучка действительно сделала это! – Элис хлопнула себя по бедру.

Однако она не помогла Сорену. Она просто стояла и смотрела на меня. Не обращая на нее внимания, я бросилась к бассейну и вытащила Поппи, сцепив руки под мышками. Я оттащила ее на траву рядом со стонущим Сореном и перевернула на четвереньки, хлопнув по спине.

Она выкашливала струи воды, плача и хрипя. Как только Поппи развернулась и села на траву, я развернулась на каблуках, желая разобраться с ее так называемыми друзьями.

– Что с тобой не так? – я толкнула Арабеллу в плечо.

Когда Элис пришла ей на помощь, я отвесила Арабелле такую пощечину, что она споткнулась и грохнулась на задницу. Вокруг нас образовалась толпа любопытных тусовщиков. Наплевать.

Они зашли слишком далеко. С их словами я могла бы справиться. Но никто не может прикоснуться к моей семье и выйти сухим из воды. Никто.

– Ты должна винить только себя, Вампирша. Это ты стремилась раздвинуть ноги перед королями Тодос-Сантоса, не выяснив, на кого из них я положила глаз. – Элис толкнула меня, обвиняюще ткнув пальцем в грудь.

Я откинула голову назад и рассмеялась.

– Это произошло потому, что вы, девочки, не можете видеть, что публично сосать чужие члены – это не то же самое, что встречаться с их обладателями. Вон и Найт никогда не будут твоими. Не из-за Поппи, или меня, или Луны Рексрот. Они не будут твоими, потому что ты гнилой человек и недостойна воздуха, которым дышишь!

Из всех людей на вечеринке я нашла только одного нормального парня – Хантера, и он помог мне донести Поппи до машины. Я пристегнула ее, отвезла домой, отвела в душ и ухаживала за ней до конца выходных.

Поппи больше никогда не разговаривала с Арабеллой, Элис, Стейси или Сореном.

Она больше не плакала ни о Найте, ни о возвращении в Великобританию.

Она покончила с Тодос-Сантос и ждала возвращения домой – так же, как и я.

* * *

До конца выпускного года я не высывалась – даже когда стало известно, что Вон решил отвезти Арабеллу в Индиану и представить ее перед всеми на свадьбе Дарьи Фоллоуил. Приглашение было неожиданным, но оно вызвало множество слухов о том, что они встречаются.

Позже я подслушала, как Элис шептала Стейси, что Арабелла пыталась поцеловать Вона во время той поездки, и он

чуть не сломал ей нос, отбиваясь от нее.

Почему он взял ее с собой через всю страну, было загадкой, с которой мне предстояло жить. Неужели он действительно ненавидел меня так сильно, что был готов вынести присутствие моего врага только для того, чтобы доказать свою правоту?

В любом случае папа был прав. Мне нужно было занять должность ассистента, смириться с этим и жить своей жизнью дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.